

БОЕВИК

ВОЕННО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ

ГОСПОДИН ИЗ ЗАВТРА

АЛЕКСЕЙ
МАХРОВ

БОРИС
ОРЛОВ

ДЕСАНТ ИЗ БУДУЩЕГО

**Борис Львович Орлов
Алексей Михайлович Махров
Господин из завтра.
Десант из будущего
Серия «Военно-
фантастический боевик»
Серия «Господин из завтра», книга 2**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3148455

Господин из завтра. Десант из будущего: Яуза, Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-00155-058-7

Аннотация

«Спасение» России продолжается!

На помощь двум друзьям, занявшим должности наследника русского престола и «Стального короля» русской промышленности, отправляется еще несколько человек, решивших испытать себя в роли вершителей Истории и поставить на карту свои жизни ради процветания Отечества!

Казалось бы, что или кто может противостоять объединенной мощи наших современников? Великие князья ездят по Санкт-Петербургу на автомобилях, собранных на заводе

«Стальград» в Нижнем Новгороде. На конкурсных испытаниях пулемет системы Рукавишникова на голову превосходит аналогичное творение Хайрема Максима. Освоен поточный выпуск малотоннажных кораблей.

Кто победит? Ее величество История или «Господа из завтра»?

Содержание

Пролог	6
Рассказывает Сергей Платов[8]	15
Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)[9]	36
Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)[19]	52
Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)[24]	66
Рассказывает Дмитрий Политов (Александр Рукавишников)	90
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Алексей Махров, Борис Орлов

Господин из завтра. Десант из будущего

© Махров А.М., 2019

© Орлов Б.Л., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

* * *

*«Мы слышали, государь, что около тебя есть
дурной человек по имени Правительство, от
которого мы страдаем, – прогони, молим тебя,
государь, прогони его от твоего лица!»
Из письма кабардинцев Александру I*

Пролог

На рассвете флот приблизился к резервной зоне высадки на пятьдесят миль, и корабли начали выстраиваться в боевой порядок. Дальше пошли двумя колоннами.

В правой, под непосредственным командованием самого великого князя, шли обе дивизии броненосцев. За ними выстроились броненосные крейсера: «Очаков», «Кагул», «Севастополь», «Керчь». Замыкали колонну два дивизиона эсминцев и плавбаза «Днепр»¹. Свой флаг генерал-адмирал держал на головном «Мономахе».

Левее шли легкие силы: два дивизиона крейсеров, четыре дивизиона эсминцев, плавбазы «Дон» и «Волга»². Командовал колонной младший флагман эскадры вице-адмирал Макаров.

Транспорты с десантом и минные заградители, сейчас скрытые туманом, держались мористее. И в десяти милях впереди, строем пеленга, шел головной дозор, состоящий из пяти бронепалубных крейсеров и «Атамана Платова». С «Платова» дозором командовал Эссен.

Генерал-адмирал стоял на крыле мостика, морщился от порывов свежего бриза, но в рубку пока не торопился. Сего-

¹ Плавбаза «Днепр» – носитель разведывательно-дозорных планеров.

² Плавбаза «Волга» – носитель катеров-торпедоносцев. Плавбаза «Дон» – носитель мини-субмарин.

дня он еще успеет набегаться по этой тесной норе. Алексей окинул взглядом теряющийся в утренней дымке горизонт. Противника пока не видно, но его флот может появиться в любую минуту.

– Радиограмма с «Платова»! – доложил выглянувший из рубки Витгефт³. – Эссен поднял планеры!⁴

– И? – генерал-адмирал, как всегда перед боем, был немногословен.

– Пока ничего!

– И где их носит? – задумчиво прошептал себе под нос командующий. А вслух добавил: – Трех планеров Эссена недостаточно! Радируйте на «Днепр», командиру воздушной разведки: пускай запускает все, кроме резерва. Надо перекрыть наблюдателями три четверти горизонта. Доложить о выполнении приказа немедленно!

– Слушаюсь! – Витгефт нырнул в рубку.

Ветер крепчал, мелкие брызги с гребней волн начали доставать до мостика. Поежившись, великий князь полез в рубку вслед за флагманским адъютантом. При виде командующего присутствующие в отсеке офицеры вытянулись в струнку. Только связисты продолжали что-то отстукивать клавишами.

³ **Витгефт Вильгельм Карлович** (1847–1904) – контр-адмирал, видный теоретик использования минного вооружения, с 22.04.1904 – исполняющий обязанности командующего Тихоокеанским флотом. Погиб в морском сражении с японцами в Желтом море.

⁴ Планерами на русском флоте называли мотодельтапланы.

– Докладывайте! – глядя куда-то поверх блистающих погонami плеч своих подчиненных, сказал князь.

– Эскадра закончила перестроение. Объявлена и поддерживается боевая готовность номер два. Курс норд-норд-вест, скорость двенадцать узлов, – четко отрапортовал начштаба Старк⁵.

– Хорошо, Оскар Викторович, – кивнул командующий. – Продолжайте выполнение своих обязанностей.

Генерал-адмирал медленно прошелся по рубке и остановился возле узкой смотровой щели. Прошло несколько минут. Отсек снова заполнился гулом голосов, перемежаемым щелчками расчётчика и клацаньем радиоключей. В этом шуме князь не сразу расслышал, что к нему обращается командир БЧ-4, и тому даже пришлось деликатно тронуть Алексея за рукав кителя.

– Что? – командующий снова перешел на лаконизм.

– Радиограмма с «Днепра», ваше высокопревосходительство! Командир воздушных разведчиков доложил о выполнении приказа на взлет всех планеров. И...

– И?

– На общей волне с нами связался один из пилотов Эссена.

– Что?!! – рявкнул генерал-адмирал. – Почему не обращается по команде, что за самовольство?

⁵ **Старк Оскар Викторович** (1846–1928) – вице-адмирал, с 7.02.1904 – исполняющий обязанности командующего Тихоокеанским флотом.

– Пилот говорит, что обнаружил неприятеля и хотел лично вам доложить его координаты, численный состав, курс, скорость и...

– Выслужиться хочет... – хмыкнул адмирал. – Ладно, будет ему награда – белый крестик... во всю жопу! Чего ты мне гарнитуру тычешь? Не буду я с ним разговаривать – сам у него доклад прими и запиши. И не забудь Эссену потом сообщить об этом герое. Думаю, что у Николая Оттовича тоже найдется, чем приветить красавца! Хотя нет – пусть кто-нибудь из твоих людей с пилотом пообщается, а ты дай радиogramмы Макарову и Эссену: готовность номер один!

Где-то над серыми волнами летел, борясь со встречным ветром, планер русских ВМС. Пилот, в гордыне своей забывший о субординации, разглядывал лежавшие далеко внизу силуэты вражеских кораблей. Он насчитал уже больше пяти десятков вымпелов и идентифицировал в головной группе новейшие броненосцы типа «Ринаун». А вслед за ними... в середине походного ордера шел корабль, раза в полтора превосходящий размерами самый крупный броненосец. Это мог быть только «Аннигилятор»⁶...

Через несколько минут генерал-адмирал в третий раз перечитал записку с докладом пилота. У противника и без «Аннигилятора» было трехкратное превосходство по количеству вымпелов и полуторакратное по весу залпа. Но присутствие «Аннигилятора» все меняло. Эта сволочь при бла-

⁶ Аннигилятор (annihilator) – уничтожитель (англ.).

гоприятных условиях могла в одиночку уделат весь русский флот. К счастью, скорость у монстра не ахти – всегда можно начать изматывание противника бегом, но... Сейчас нужна решительная победа – уйти от боя означает потерю транс-портов с двумя дивизиями пехоты. Черт! И когда только эти уроды успели притащить этот супертяжелый броненосец, а вернее – плавбатарею на ТВД? Конечно, у этого чуда очень низкая скорость и малый запас хода. Но зато 500-мм броня и 17-дюймовый главный калибр...

Ладно, когда ни помирать – один хрен день терять! Командующий поднял глаза от записки и понял, что все присутствующие в рубке офицеры смотрят на него. Этак выжидательно смотрят... Знают уже... Не будем их разочаровывать!

– Боевая тревога! – негромко скомандовал князь.

Офицеры порскнули по отсеку, как тараканы. Связисты застучали ключами. Командующий подошел к штурманскому столику и позвал начштаба и флагманского адъютанта.

– Господа, мы имеем перед собой трехкратно превосходящего нас численно противника. Их эскадра следует курсом зюйд-зюйд-ост, то есть прет, сука, нам прямо в лоб. Десяти-узловым ходом. Про нас они пока не знают – идут походным орденом. Дистанция от дозора Эссена до их главных сил – сорок миль.

– Значит, если мы не увеличим скорость, то встретимся через... – рассудительно уточнил Витгефт.

– Именно, Вильгельм Карлович, – кивнул князь. – Но самое сладкое я не сказал – пилот утверждает, что заметил в ордере «Аннигилятор»!

– Раздолби их всех тройным перебором через вторичный переоб, залупоголовое страхуебище! – тихо произнес Витгефт и грязно выругался. – Простите, ваше высокопревосходительство, не удержался. И когда они успели?..

– Вот и я подумал: когда? – хмыкнул князь, стараясь удержать в памяти несколько интересных речевых оборотов из эмоциональной филиппики адъютанта. – Проспала наша разведка! Ладно, отставить лирику! Жду от вас, господа, предложения по плану боя!

– А если... – задумчиво начал Старк, но смолк, теребя подбородок. – Штурман! Какие здесь глубины?

– От 500 до 700! – почему-то веселым голосом оттарабанил штурман, мельком глянув на карту со свежей прокладкой курса.

– Н-да... – хмыкнул начштаба, – тогда мины отменяются, а я уж хотел выставить завесу и повернуть...

– Угу... – кивнул головой князь и повернулся к Витгефту. – А вы что предложите, Вильгельм Карлович?

– Транспорт разворачиваются назад прямо сейчас. А главные силы следуют вперед и после контакта с противником связывают его боем на встречном курсе, постепенно отворачивая на норд. Дадим транспортам фору в пару часов, а потом постараемся оторваться, пользуясь преимуществом

в скорости. Общеэскадренная у нас на целых пять узлов выше, чем у них! Догнать нас смогут только бронепалубники, а они нам не страшны... Думаю, что предполагаемые потери при контакте и артиллерийской дуэли будут в пределах 7–10 единиц, из них тяжелые корабли – 2–3, не более. Предполагаемые повреждения остальных...

– Достаточно, Вильгельм Карлович, – перебил адъютанта генерал-адмирал, – я понял вашу мысль... Оба предложенных варианта гарантируют срыв операции. А она, должен вам напомнить, готовилась три месяца! А тут такой афронт!

– Но, ваше высокопревосходительство, Алексей Александрович! – горячо заговорил Витгефт. – Никто не мог точно предсказать появление на театре «Аннигилятора»! Ведь по последним данным разведки, броненосец стоял в...

– Я знаю, где он, тварь такая, стоял! – снова перебил Витгефта Алексей Александрович. – Как говорят наши друзья французы: «А la guerre comme a la guerre»⁷, что применительно к нашему нынешнему положению означает: надо воевать тем, что у нас есть, и победить, мать вашу! Потому как на поражение у нас просто нет права! ЭТО всем понятно?

– Так точно!!! – вытянулись офицеры.

– У нас есть преимущество: мы знаем о местонахождении врага, а он о нашем присутствии нет. Плюс превосходство в скорости. Поэтому план такой: легкие силы обходят противника по широкой дуге и в нужный момент атакуют с тыла,

⁷ На войне как на войне (фр.).

добывая поврежденные корабли и внося сумятицу. Главные силы маневрируют таким образом, чтобы в момент зрительного контакта с противником быстро выйти на курс, ведущий к охвату его головы.

Штабные офицеры почти синхронно кивнули, признавая за планом право на жизнь.

– Приказываю! – генерал-адмирал слегка возвысил голос. – Отряду Макарова лечь на курс 270 и дать 25 узлов. Плавбаза «Волга» идет с ними. Разворот на курс О90 через 1 час 40 минут. Держать связь с нами и планерами. При отсутствии данных разведки или иных приказов через 30 минут сменить курс на NO35. Пересечь бывший курс противника сзади и начать преследование, предполагая, что главные силы врага отклонятся к северу. Действовать по обстоятельствам. Цель – корабли обеспечения и подранки.

Далее: плавбазе «Дон» подготовить к спуску на воду подлодки. Поставим их завесой поперек траектории движения противника. Пускай пустят ему первую кровь, отработают те немалые средства, что мы вбухали в их создание.

Далее: главные силы должны отойти чуть назад, чтобы дать подводникам время и возможность проявить себя. Прямо сейчас ложимся на S180 или даже SO135. Отходим за пределы видимости, ложимся на NO30-40. Ждем, пока противник окажется примерно на траверзе, корректируемся по данным разведки и, если подлодки противника с курса не спихнули, идем NO30-40 со скоростью, чуть превышающей

скорость противника. Задача — оказаться в момент зрительного контакта на его носовых курсовых углах на параллельно сходящихся курсах в боевом порядке, не требующем перестроений, изменений курса и скорости. Раз линейный бой нам невыгоден, пользуемся тем, что мы впереди и с большей скоростью.

Все! Работаем, господа!..

...А что это звонит над ухом? Будильник... Черт, ну и сон мне приснился! Какие планеры? Какой «Аннигилятор»? Какие плавбазы и сверхмалые подлодки? Фух!.. Что за бред? Привидится же такое! Хорошо еще, что не подняли в воздух дирижабли с гиперболоидами и не начали подготовку к запуску МБР! А то ведь так и до «Звезды Смерти» и психической атаки матросов на зебрах недалеко!

На тематику этого... кошмаром, конечно, не назвать... сна явно повлиял вчерашний визит к Альбертычу и его предложение поработать великим князем Алексеем Александровичем, генерал-адмиралом Российского флота...

Рассказывает Сергей Платов⁸

Ох... мля... тяжело-то как... В ушах гудит, во рту кака кошачья. В правом боку что-то томит и жить мешает, да и спину ломит, как будто всю ночь мешки ворочал. Уф-ф-ф. Похмельный синдром во всей своей красе.

Стоп, машина! А за что мне так хорошо? С пары бутылок доброго армянского коньячка, употребленного с дедами под разговор, пускай со скромной закуской, так не бывает. «А про шампанское забыл?» – шустрой ящеркой проскользнула мыслишка в больной голове. Какое шампанское? Не было никакого шампанского! Я напряг память, стараясь вспомнить, что же все-таки было вчера вечером. Воспоминания пришли сразу, но как-то двумя потоками. Одни были мои, а вот другие были не совсем мои. Скажем так, касались они меня, но другого меня, хотя их реалистичность и натуральность не вызывали сомнений.

Я прекрасно помнил, как мне позвонил Владимир Альбертович, дед моего закадычного друга детства Димки Политова, и пригласил встретиться вечером – поговорить о непутевом внуке. Выражался он туманно, ссылаясь на то, что разговор пойдет совсем не телефонный, чем, признаться, меня крепко обеспокоил. Владимир Альбертович заменил Димке

⁸ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

погибшего в Афганистане отца, но мелочной опекой внуку не досаждал и на пустом месте тревогу бы не поднял. Димка хоть и был парнем разумно осторожным, но, как говорится, было у него и свое шило в заднице. Мог ввязаться в какую-нибудь авантюру, а учитывая, что он вел холостяцкую жизнь и был легок на подъем, вполне возможно, что на этот раз влез во что-то очень серьезное. И это по-настоящему беспокоит его деда, человека далекого от старческого маразма и грамотного во всех отношениях. Шутка ли – генерал-лейтенант ГРУ в запасе, полжизни человек по миру мотался, знаний и опыта на десятерых хватит.

Не откладывая в долгий ящик и не мучая себя пустыми размышлениями, я заскочил после работы в ближайший винный магазин за коньяком (Альбертыч уважал только «Юбилейный») и, поймав такси, отправился по указанному адресу. Местом встречи оказался тупик рядом с Театром на Таганке. Пока я вертел головой, пытаюсь сообразить, куда двигаться дальше, в кармане зазвонил телефон. Четким командным голосом Владимир Альбертович сообщил мне номер подъезда и код замка. Хех, разрешите выполнять, как говорится. Набираю код, вхожу в полутемный подъезд и вижу Альбертыча собственной персоной. Не тратя времени, он молчком цепляет меня под локоток и, не обращая внимания на приветственные славословия, тянет за собой.

Подъезд оказался сквозным. С другой стороны дома стояла «Газель» с металлическим кузовом, в этот темный фур-

гон мы и забрались. Внутри Альбертыч явно разбирался лучше, чем я, а может быть, у него вместо старческой куриной слепоты развилось ночное кошачье зрение. Он толкнул меня на что-то мягкое, садись мол, захлопнул дверь и трижды стукнул по стенке. Тронулись, поехали. Альбертыч закряхтел, зашебуршал, чем-то щелкнул, и внутренности фургона осветила небольшая настольная лампа. Неплохо устроились товарищи разведчики. Здесь тебе и диван, на котором, как оказалось, я сижу, и столик с креслом, какие-то мониторы. Зуб за два, что за выгородкой рядом с кабиной скрывается биотуалет. Ни разу в жизни я не видел спецмашин наружного наблюдения, но чуется мое сердце, что сейчас я нахожусь в одной из них.

Альбертыч все так же молча достал из кармана телефон, по габаритам явно не сотовый, выключил его, пошевелил седыми бровями и отсоединил аккумулятор.

– Ну, здравствуй, Сережка! Молодец, что приехал.

Сам знаю, что молодец, только зачем эти шпионские игрища. Не дав мне открыть рта, он продолжил:

– Понимаешь, меры безопасности надо соблюдать. Тебе вот, кстати, никто звонить не должен?

– Это вы к чему, Владимир Альбертович? – спросил я, уже предполагая, что он ответит.

– А к тому, ястреб ты наш морской, что телефончик свой выключи, на всякий случай. Тут сигнал экранируется, все равно никто тебе не дозвонится, а мне спокойней на душе

будет.

Темнит дедушка. Ладно... пока подыграем. Что же, черт возьми, случилось с Димкой, если для разговора необходимы такие предосторожности. Молча достаю телефон и отсоединяю аккумулятор. Посмотрим, что дальше. А дальше не было ничего, точнее ничего нового о Димке во время поездки я не узнал. Владимир Альбертович сослался на то, что мы уже скоро приедем на квартиру, где нас ждет его старый коллега, и поговорим втроем. Ехали мы действительно недолго, от силы минут пятнадцать, но должен заметить, что эта поездка мне не понравилась совершенно. В наглухо закрытом фургоне все маневры водителя ты воспринимаешь достаточно весело. В общем, поболтало меня на диванчике из стороны в сторону конкретно. Ага, вроде приехали. Над дверьми зажегся темно-зеленый плафон. Альбертыч выключил лампу, дернул ручку дверей и мягко прыгнул на асфальт. Старая школа, сколько лет мужику, а все как молодой. Я не стал дожидаться специального приглашения и, прихватив пакет с гостинцами, последовал за ним. Двигатель не глушили, поэтому сразу после условного стука «Спецгазель», мягко шелестя шинами, отправилась по своим спецделам. Водителя я так и не увидел.

Так, и куда же мы приехали? Обычный двор, обычная шестнадцатиэтажка. Фонарь в стороне, ну-ка, какой тут адресок? Ага, выяснил... Белым по синему четко написано, что мы приехали к дому номер семь, а вот названия улицы, как

обычно, не указано.

– Пойдем, любопытный, – буркнул Альбертыч и зашагал к подъезду.

На изрисованном матерными «граффити» лифте поднялись на десятый этаж. Стальная дверь тамбура, затем стальная дверь квартиры – явление для Москвы стандартное, но вот висящий на вешалке в крохотной прихожей «АКМ» – нечто, из обыденности выпадающее.

– Мы тут фактически на военном положении, – снизошел до объяснения Альбертыч, перехватив мой взгляд. – Давай, проходи на кухню! Ботинки можешь не снимать – и без тебя натоптано!

Позвякивая пакетом, я проследовал в указанном направлении. Н-да... сразу видно, что ни одной женщины среди проживающих в этой квартире людей нет – в раковине гора грязной посуды. На столе чашки с недопитым чаем и переполненные пепельницы. Я выгрузил на стол нехитрую закуску для краткого междусобойчика с учетом специфики напитка и веяния времен: банку оливок, упаковку тонко поструганного сервелата, коробочку хорошего сырного набора (имею я такую слабость), нарезанный батон белого хлеба. Пока я разбирался с закуской, Альбертыч достал с полки рюмки, нарезал лимон, откупорил бутылку и выдвинул кухонные табуреты из-под стола.

– Присаживайся, разговор у нас с тобой будет длинный. – Он махнул рукой в сторону табуретки, стоявшей ближе к

двери. Ситуация мне не нравилась все больше и больше. Во что же Димка вляпался?

Я осторожно присел. Альбертыч аккуратно разлил по рюмкам коньяк – ровно по три четверти емкости.

– Со свиданьем. – Он махнул рюмку, на секунду замер, оценивая напиток и прислушиваясь к себе, потом бросил на кусок хлеба пару ломтей колбасы, а сверху – пару ломтей сыра. Насколько я помнил – всякими «гвардейскими пыжами» старик никогда не баловался.

– Будем! – Я последовал его примеру и пригубил коньяк.

– Ты, наверное, вопросами мучаешься, что, мол, да как? – Альбертыч, бодро пережевывая бутерброд, закинул в рот пару оливок. – Спрашивай, не стесняйся!

– Чего спрашивать, Владимир Альбертович? Зачем воздух впустую сотрясать? Я уже не зеленый пацан. Если вы, используя ресурсы всей своей организации, Димке помочь не можете, а меня зовете, значит, нужен именно я. То, что мне знать необходимо, сами расскажете. Где рассказать не сможете – промолчите. Посвятите в ситуацию и проведете инструктаж, так сказать.

– А ты уже на все заранее готов? Если надо ради друга, то и в колодец головой?

– Если надо в колодец, то можно и в колодец... слазать, по веревочке или по скобам, со страховкой и пониманием, что в этом колодце я должен искать или делать. – Я выпрямился на табурете и положил ладони на стол. – Если друг упал

в колодец, прыгать сверху бесполезно. Так его убить можно или оглушить, а вот спасти не получится точно.

– Ты, Сережа, не ершишь. – Альбертыч, прищурившись, посмотрел мне в глаза. – Ситуации бывают разные. Вот, помню, был у меня один случай...

Так... Вместо того чтобы говорить по делу, мы хотим травить байки. Впрочем, баек не последовало. Альбертыч посмотрел куда-то поверх моей головы и спросил:

– Парень чистый? – Этот вопрос Альбертыч адресовал не мне, а бесшумно подошедшему широкоплечему седому мужику, загородившему своей фигурой весь дверной проем. Мужик молча кивнул. Альбертыч кивнул в ответ и повел рукой в сторону стола. – Присоединяйся, Илюха!

Еще один грушник на мою голову?

Альбертыч тут же подтвердил мою догадку:

– Знакомьтесь! Это Сергей Платов – старый дружок моего Димки. А это Илья Петрович Дорофеев – мой коллега.

Мы обменялись с Ильей Петровичем рукопожатием. Ладонь у него была сухой и крепкой.

– Вижу, Сережа, что гадаешь, о чем таком интересном может пойти разговор, если он обставлен такими мерами предосторожности? Давай уже, разливай свой коньячок! Махнем еще по рюмашке, тогда и поговорим!

Рюмка действительно не помешает, терпеть не могу, когда у меня за спиной неожиданно появляются таинственные незнакомцы. Выпив, Владимир Альбертович поведал мне

настолько фантастическую историю, что несколько минут я молча просидел, пялясь на усеянную грязными пятнами столешницу. Услышь я это от кого другого – посмеялся бы. А попробуй кто под такую дурацкую сказку что-то с меня поиметь – послал бы далеко и надолго. Но Альбертыч – человек достаточно приземленный. И до сих пор в подобном фантазировании замечен не был. А уж вербуя на непонятное дело, наверняка придумал бы что-нибудь более убедительное.

Оказывается, Димка и его друг Олег сейчас пребывают в конце XIX века. Причем только сознанием, а тела остались здесь. Сознание Димки оказалось в купце 1-й гильдии Рукавишникове, и он сейчас занимается организацией крупного научно-промышленного объединения в Нижнем Новгороде. А Олег оказался, ни много ни мало, в теле цесаревича, будущего императора всея Руси Николая Второго. Первое впечатление часто бывает наиболее правильным. Повода подозревать Альбертыча и его друга в дружбе с компьютерными технологиями я не имел. Скорее всего ребята заигрались в какую-то сетевую стратегическую игрушку и немного поехали крышей на этой почве. Либо, как вариант, на них обкатали новый способ воздействия на сознание какие-нибудь спецслужбы. Так я и сказал. Старики переглянулись.

– Я предупреждал! – это были первые сказанные Дорофеевым слова.

– Ну, ведь ты же поверил! – парировал Альбертыч. Видимо, они продолжали какой-то незаконченный спор.

– Я – другое дело! – не сдавался Дорофеев. – Я тебя сто лет знаю и давно изучил, когда ты шутишь, а когда серьезно говоришь. К тому же эта тема уже давно в нашей конторе поднималась. Эти ребятки из будущего настолько широкую тропу сюда протоптали, что не заметить было тяжело.

– А где этот... прибор? Можно... посмотреть? – Мне не то чтобы хотелось убедиться. Просто стало интересно. Да и разговор надо поддержать. Возможно, получится узнать, в какой больнице сейчас находятся Димка с Олегом, и поговорить с лечащим врачом.

– Пошли! – Альбертыч решительно встал из-за стола. Я уж подумал, что повторится наш давешний маршрут с поездкой в закрытом фургоне, но идти пришлось всего лишь в соседнюю комнату.

На первый взгляд «мнемотранслятор» не впечатлял. Подумаешь – обычный ноутбук, только с какими-то лишними клавишами и без крышки-монитора. Но развернувшийся после включения голографический экран откровенно удивил! Такой техники мне до сих пор видеть не доводилось. Хотя за годы службы на флоте, да и после, я на разные девайсы насмотрелся. Но само по себе наличие такого устройства – еще не доказательство. Мало ли что могут придумать пытливые умы на службе транснациональных корпораций? Но вот «кино», которое крутили по этому «телевизору»... Целую минуту я пытался понять, что же вижу. Потом догадался, что дурная картинка – не ошибка неопытного оператора,

а следствие того, что съемка идет... через чьи-то глаза.

– Сейчас прибор подключен к Олегу! – пояснил Альбертыч. – Ты можешь видеть званый обед, который организовали денежные мешки славного города Сан-Франциско в честь прибытия к ним наследника императорского престола России. Не самый удачный момент, прямо скажем, чтобы доказать тебе истинность наших слов. Но мы можем записи показать – посмотришь на Александра Третьего, супругу его...

Вот как раз лицезрение императора меня бы не убедило. Можно подумать, что очень сложно загримировать подходящего актера. Но вот мелькнувшее несколько раз в «кадре» лицо заставило мое сердце забиться в бешеном ритме. Неужели... все рассказанное мне сегодня... правда?! Потому как очень сомнительно, что гипотетические режиссеры розыгрыша могли знать, что я как-то раз случайно наткнулся в Инете на фотографию молодого Павла Ренненкампа. А ведь именно будущий командир 1-й армии сидел по левую руку от... Олега. Или цесаревича? Или Олега в теле цесаревича? Блин, запутался...

Пребывая в некотором обалдении, я вернулся на кухню и плюхнулся на табурет. В непроизвольно начавшую шарить по столу руку Альбертыч ловко вставил полную рюмку коньяку. Я машинально выпил и встряхнулся. Старики смотрели на меня сочувственно.

– Так это все правда? – подал голос я.

– Правда, Сережка, правда... – кивнул Альбертыч. – При-

кальваемся мы несколько по-другому...

– А уж дезинформируем – и подавно! – повторил кивок Дорофеев. – Я сам, когда все это узнал, – примерно то же самое, что и ты сейчас, испытывал.

– Однако, Сергей, мы пригласили тебя не для того, чтобы исторические фильмы крутить! – Альбертыч тут же взял быка за рога и начал ковать железо, пока оно... ну, вы поняли!

– Очень интересно, – подал голос я. – А от меня что требуется?

– Нам позарез нужен человек, хорошо разбирающийся не только в истории флота, но и в основных направлениях его развития. Человек достаточно молодой, гибкий и незашоренный! Способный на нестандартные решения в условиях жесткого цейтнота. Способный не только построить флот и правильно его применить, но и заложить прочный фундамент развития на долгие годы вперед. Человек, наизусть помнящий все тогдашние проекты и технологии.

Приятно, когда тебя хвалят! Внутренне улыбнувшись, я представил, как обучаю Макарова тактике морского боя и превентивно бью морду Небогатову.

– Не знаю, насколько я смогу быть полезен в этом вопросе. Тут вот в чем дело... Просто необходимо понимать, что флот – это квинтэссенция научного, технологического и промышленного развития страны. Грубо говоря, какую страну мы имеем, такой флот у нас и будет. Россия на рубеже веков не отличалась сильным промышленным потенциалом.

– За промышленность и науку отвечает как раз Димка, – прервал меня Альбертыч. – Думаю, проблем с этой стороны у тебя не будет.

– Ну что же, уже проще. Кстати, в какой год и в кого я должен буду попасть?

– 1887-й. Ну а в кого, ты сам выбирай. Персоналии тебе лучше знакомы. Хотя могу рекомендовать не мелочиться и брать в разработку кандидатуру морского главнокомандующего, великого князя Алексея Александровича.

Я вытянул сигарету из пачки, прикурил и задумался. В словах Альбертыча был свой резон. Путь по карьерной лестнице долг, и, как правило, адмиральские «орлы» украшают погоны людей далеко не молодых. Надо будет посмотреть, сколько лет тогда было тому же Макарову.

– В 1887 год? Любопытно. Только знаете, лучше уж в 1881-й. Собственно, Алексей Александрович назначен главным начальником кораблей и флота именно тогда. Чисто практически больше шансов влезть в кораблестроительную программу и модернизировать флот эволюционным путем, а не с шумом, грохотом и революционным порывом устраивать экстренное потрошение бюджета на неотложные нужды.

– Нет, Серега, в 81-й не получится, – Альбертыч покачал головой. – Планида, тьфу, бифуркация не позволяет.

– Ты еще скажи, ешкин дрын, что тебе надо дать лет двадцать, чтобы личный состав воспитать и адмиралов вырастить! – добавил Илья Петрович.

— А без этого никак! «Железо» — половина флота! Личный состав — основа основ! — постепенно заводясь и чувствуя копчиком, что именно этого старики и добиваются, сказал я. Сделав над собой могучее внутреннее усилие, я постарался успокоиться и продолжил уже не столь запальчиво: — Придется работать и над тем и над другим. Но я хочу заметить, что сколько матросиков ни дрючь и какой самый современный броненосец им не дай, если командование использует корабль не по назначению, а в пожарном порядке затыкает свежееобразовавшиеся дыры, то ничего хорошего из этого не выходит. Сплошной героизм и самоутопление там, где тонуть должны враги. Опыт, к счастью не личный, подсказывает, что можно долго пытаться сломать березу половым членом, но каким бы толстым и крепким он вам ни казался, ничего хорошего, кроме заноз, вы не добьетесь. Лучше взять топор или пилу — с инструментом надежней и практичней. В нашем случае флот является тем самым инструментом, который мы будем заботливо отстраивать, готовить и затачивать к конкретно намеченным датам. Слава богу, до русско-японской время еще есть...

Я подскочил в постели как ошпаренный.

М-мать моя родина, отец Северный флот!!! Меня согнуло дугой от боли в животе. Так, потихоньку, полегоньку свесил ноги вниз. Продышался. Ф-фуф, чуть на койку не стравил. Что же это такое получается?

Все именно так, как говорил Альбертыч, я нахожусь в те-

ле великого князя Алексея Александровича Романова, последнего в нашей истории генерала-адмирала российского флота! Волна адреналина, прокатившаяся по телу, медленно сходила. Ну и наверчу я здесь дел, в век не разгребете, «будущане»!

Эх, дурень я стоеросовый. Дите малое и неразумное. Вязался, как карасина зеленая, бог знает во что. Хотя на что жаловаться. Что хотел, то и получил. Назвался груздем – полезай в короб. Меньше надо было выпендриваться и языком болтать.

Все! Отставить самобичевание! Теперь я снова в строю. На этот раз лично от меня зависит очень многое. И «железо», и экипажи. И их жизнь, и их появление на свет. История в том варианте, что была у нас, повториться не должна.

Ох, «железо», ты мое «железо», кубрики в гарнизонных гостиницах, погодные «варианты» да любимый личный состав! Кабы вы знали, как по вам можно соскучиться, когда, уволившись со службы, после того как пройдет первый запал, убедившись в глупости и неорганизованности гражданского существования, понимаешь, что обратно не повернуть.

Жить на гражданке не в отпуск слетать. Тут другое требуется, совсем другая приспособленность и умение. Правильно говорили во времена массовых сокращений по оргштатным мероприятиям, увольняйся, пока молодой, не тяни. А я тянул, не верил, хоть выходов почти не было. Кто-то служить-то должен. Кто, если не я? Платовы служили на флоте

всегда, менять этой традиции добровольно я не желал совершенно. Вот и тянул. Тянул иногда на чистом упрямстве. О некоторых годах даже вспоминать не хочется.

В одном проще было, пока молодой был, жениться не успел. Многие хорошие грамотные ребята из-за этого ушли. Их можно понять, когда по полгода только на пайке живешь, а детям хочется яблок и мандаринов. Тех, что под Новый год в военторг завезли самолетом, только о том, что даже финчасть, точно так же, как ты, денежного довольствия давно не видела, этот чертов военторг предупредить забыли. Вот и получается, что смотришься ты даже перед собственным ребенком – сидящим на голом вассере. Не выдержавшим и уволившимся в те годы только бог судья. Сам не знаю, что делал бы, будь у самого за спиной жена и ребенок.

Вышло так, как вышло. Служил. Встречал осень, провожал зиму, организовывал сбор «подснежников». Отец корил, конечно, за характер: после окончания училища, имея выбор по распределению, выбрал СФ, а не ЧФ, где отец уже был начальником управления. Не хотел быть сыном под папой. Насколько вышло... не знаю. Карьеры по «командам» не делал, да и не сложилось при мне рядом черноморской команды. Отец достаточно быстро уволился, а его бывшим сослуживцам и друзьям существование Платова-младшего в нашем быстро обновляющемся обществе было не интересно. Просить же за себя я не привык.

Незаметно для себя всерьез увлекся историей флота. Про-

сто как-то раз в 91-м или в 92-м молодой и борзый матрос-«карась» на занятиях по истории флота (их ввели вместо политподготовки) задал вопрос о «наиболее выдающихся» сражениях Северного флота во время Великой Отечественной. Мой рассказ о действиях подводников и проводке конвоев пацана не убедил. Что поделаешь, Мидуэй и утопление «Бисмарка» были на других ТВД. Молодежи нужна яркость и масштаб, а то, что у нас здесь также гибли люди, и каждый их день, каждый выход был подвигом, молодых уже ни в чем не убеждает.

На следующее занятие я подготовился серьезней, тетрадку с рекомендованным планом занятий отложил в сторону, и ребята, призванные со всей ужавшейся нашей страны, слушали мой рассказ если не открыв рот, так как минимум не засыпая. Не знаю, понял ли тот «карасина» что-нибудь или нет, но для себя я многое уяснил. Так и повелось, понемногу все ширше и глубже. История – благодарный материал, документов, мемуаров и точек зрения много не бывает.

Потихоньку добрал свои двадцать календарей, плюс льготные, прошел Ве-Ве-Ка, написал рапорт и без задержек оказался за бортом Российского военно-морского флота. Приехал в Москву и начал работу искать. Однако поначалу наткнулся на стойкое отторжение – на хорошие должности в коммерческие структуры без опыта работы не брали... А перспектива идти раздавать у метро рекламные листовки как-то не грела. Спасибо сослуживцам, уволившимся рань-

ше меня и устроившимся на гражданке отнюдь не простыми продавцами. Вот и помогли, по старой памяти – нашли вакантное местечко специалиста по компьютерной безопасности в кредитном банке средней руки.

И начал я жить-поживать... И вроде денег стал зарабатывать не в пример флотской службе. Иной месяц, вместе с халтурками (кому-нибудь безрукому компьютер собрать или «винду» переустановить), раз в десять поболее прежнего набегало. Хватало и на коньячок, и на «посидеть с друзьями» в приличном пивнячке. Я даже как-то незаметно к темному пиву пристрастился, хотя раньше только слышал о всяких «гиннесах» и «бимешах». Брюшко отрастать начало... Идиллия!

Но вот грызло меня изнутри! Потому я на военно-исторических форумах в Интернете часами торчал, с такими же отмороженными любителями истории общался. Ну как же так вышло, что Россия – страна с огромными материальными ресурсами и талантливыми людьми – несколько веков безуспешно пыталась догнать Европу? Почему? Когда можно было разорвать порочный круг?

Я, дурак такой, голову ломал, о вечных проблемах думая, а кто-то такими вопросами не парился – зашибал бабло да оттягивался с девочками и кокаином. Нет, в том-то и дело, что я таким не завидовал. Просто недоумевал – как можно жить, отключив мозг? Помнится, сидел я как-то раз в роскошном кабинете вице-президента нашего банка – «тро-

янов» ловил, которых этот мудака умудрился насобирать, лая в рабочее время по порносайтам... И ведь хватило ума этому придурку через чужую беспроводную сеть в Интернет выйти, чтобы на банковском сервере следов не осталось. А кабинет по площади в четыре раза больше нашего, где кроме меня еще три сисадмина квартируют. И «вице» этакий... Холеный, как хряк-про изводитель. Стрижечка наверняка самая модная, костюмчик стопудово из последней коллекции ка ко го-нибудь пидора с итальянской фамилией. И что самое для меня удивительное – подкачан этот типчик довольно неплохо! В смысле – мышцы. Ах, ну да... И это тоже сейчас модно – здоровый образ жизни. Фитнес-зал три раза в неделю, по два с половиной часа. И вот вдруг говорит мне это «чудо» человеческим голосом:

– Сергей, а правда, что ты повоевать успел?

– Да, – не отпираюсь я, и ставлю себе в памяти зарубку, в анкете это не записано. Рассказать об этом кусочке моей биографии мог только мой бывший сослуживец, устроивший меня сюда на работу и трудящийся сейчас в этом же банке на должности начальника СБ.

– В этой, как ее, Абхазии? – зачем-то уточняет этот красавчик.

Было дело. В самый разгар грузино-абхазского так называемого конфликта, а если по-честному – настоящей войны, послали меня с группой морпехов на секретную «точку», расположенную в предгорьях. Сам до сих пор не понимаю,

зачем надо было гнать нашу группу аж с Северного флота. Могу только догадываться, что на черноморцев в то время положиться на сто процентов было нельзя – они тогда в процессе деления пребывали. Большинство хотело под Андреевским флагом служить, но часть в украинский флот переходила. «Точка» та была радиорелейной станцией-ретранслятором. В принципе ничего особо секретного на старушке Р-406 нет. Их электронная начинка уже давно «потенциальному» противнику известна. Чисто теоретически, всех делов – станцию взорвать, персонал эвакуировать. Там и сидело всего четыре человека: командир, водитель-электромеханик да пара операторов. Но легкой прогулки не получилось. Пробиваться пришлось с боем – грузины на российский флаг, под которым шла наша небольшая колонна, плевать хотели. Оттуда я вынес пулевое отверстие в левой ноге, привычку не доверять на сто процентов разведанным и стойкое убеждение в том, что лучший автомат – «РПК».

Так что же заинтересовало «вице»?

– А ты там кого-нибудь убил?

Вот оно что! Захотелось «мальчику» нервишки себе пощекотать «охотничьим рассказом». Ну уж извини – я даже с приятелями те события не обсуждаю. Только Димке и рассказал. Под литр водки в одно рыло... Наплел я тогда этому крутому вице-президенту что-то предельно скучное: мол, высадились, сели на «броню», проехались взад-вперед и снова на «коробку» БДК вернулись. Наплел, дочистил «комп»,

с благодарностью принял небольшой презент – дорогую никарагуанскую сигару и ушел восвояси. А в голове мыслишка засела – блин горелый, ведь надо что-то делать. Ведь чем я сейчас от «вице» этого отличаюсь, кроме существенно меньшего количества денег? Только тем, что вместо порносайтов на исторических форумах торчу?

Вечером на меня, что называется, накатило, я бесцельно слонялся по пустым комнатам квартиры, не зная, чем себя занять. Мысли в голове крутились самые препаскудные. Вот он, шанс, вот предложение Альбертыча «спасти Россию», и это не белая горячка и не розыгрыш. О чем думать, если можно действовать, тем более что старички и сами готовились в скором времени ко мне присоединиться.

Неторопливо выкурив подаренную сигару, еще раз прикинув все за и против, я позвонил начальнику, предупредил, что беру отпуск за свой счет, и отправился в гости к старикам-«грушникам». Чему быть, того не миновать, а будет то, что будет.

Вселение прошло как по маслу. Вот только тело мне досталось некондиционное, с брачком, так сказать. Низ спины ломит, в правом боку чего-то ворочается. То, что желудок саднит и во рту словно кошки ссали, это понятно. Пил вчера пациент. И хорошо пил. Вдумчиво, с толком и расстановкой. Ну, положение и финансы позволяют великому князю гробить здоровье изысканными напитками, а не ординарным коньяком... Ух, как организму хочется принять на грудь

для поправки. Ну уж нет! Сейчас небольшая зарядка, чтобы разогнать кровь, потом холодный душ, после ковш крепкого рассола, а дальше посмотрим. Будем бороться с пагубными привычками реципиента! Мне в этом теле еще долго жить... Значит, с сегодняшнего дня – пьянству бой, блядству – герл... Тьфу! То есть – пить завязываем! Даже крепкий кофе! Печень уже посажена, а до изобретения надежных препаратов для ее лечения – минимум полвека, а то и поболее. Могу не дожить! Ладно... все... подъем!

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)⁹

В голове мякина, буквы расплываются на листе. Яти, еры, и так еле продираюсь сквозь текст. Очки, наверно, надо заказать. От кофе уже слегка подташнивает, обещал себе им не увлекаться, но не получается. Работай, лошадка, беги, белка, в колесе! Господи, а ведь с момента вселения прошел всего месяц!

В этот вечер я сидел за столом и вчитывался в один из отчетов Кораблестроительного отделения МТК. Бесконечный водопад бумаг. Монблан. Эльбрус. Эверест. Не умею думать, когда в делах бардак. Необходимо хоть как-нибудь их рас-
сортировать, освоить, заново войти в тему, так сказать. По моему приказу в кабинете соорудили вдоль стен временные открытые шкафы для бумаг. Вот теперь и заполняю полочки.

Этот отчет оказался воистину сюрпризом. Реагировать надо срочно, и не просто срочно, а наисрочнейше. Передо мной лежал результат рассмотрения проекта броненосца для Черного моря. Стапель в Николаеве освободился, необходимо занимать. Вот и предложение созрело. Перезрело и упало. Что мне с этим делать? Этот броненосец в будущем по-

⁹ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

лучит название «Двенадцать апостолов». Лучше ему об этом не знать. На заседании было рассмотрено три проекта броненосца на 8000 тонн. Отлично. Что у нас здесь?

Проект Гуляева, проект Арцеулова, проект Субботина. Замечательно. Первая премия у Субботина. Что он нам предлагает? Ага! Броненосный таран, бронированный по всей ватерлинии корпус, главный калибр 9 дюймов в трех башнях, скорость 18 узлов, запас угля на пять суток полного хода. Молодец, Субботин! Только мне на ЧФ броненосного тарана и не хватало! В печку. Так, что дальше? Арцеулов. Те же яйца, только в профиль. ГК чуть больше, но каземат вообще не защищен и автономность меньше. Ясное дело, тоже в печку. Чем радуется Гуляев? Главный калибр 12 дюймов и три девятидюймовки в барбетах, четыре шестидюймовки в каземате, неплохо! 16,5 узла с форсированным дутьем, с запасом хода на трое суток, бронирование, как у англичан... вот где собака порылась. Мы хотим прикрыться броней по ватерлинии не по всей длине и выиграть меньшее водоизмещение за счет незащищенных оконечностей. Замечательно! И этот проект уже понравился МТК, и его уже готов утвердить Шестаков¹⁰.

Цусимы на вас нет, сволочи белоглазые! Хотя что я ругаюсь, случись война, рыбу кормить придется их сыновьям,

¹⁰ Шестаков Иван Алексеевич (1820–1888) – российский флотоводец и государственный деятель, адмирал. В описываемый период – управляющий Морведа (должность, равная министерской).

они это понимают. Задание на конкурсное проектирование было и того хлеще. Требовалось вписать в восемь тысяч тонн четыре двенадцатидюймовки, две девятидюймовки и не забыть место для пары шестидюймовок. Ради этого проектантам предложили пожертвовать частью бронепояса, хоть сорока процентами, скоростью хода и автономностью. Мол, на Черном море далеко ходить не надо, главное, чтобы вышло подешевле! Ребята постарались и выдали «на-гора». Что просили, то и получите. Ох уж мне эти «дешевые» броненосцы!

Ладно, эмоции в сторону. На краю необъятного стола лежит проект бюджета Морского ведомства на следующий год и расчет трат ГУКиС на судостроение в этом году. Намек от управляющего Морским ведомством, не поленившегося прислать личного адъютанта в качестве посыльного. Деньги надо потратить, с этой задачей мы справимся. Только страдать ерундой, подобной предложенным проектам, мне некогда.

Программа, принимавшаяся пять лет назад, не предусматривала развития судостроительных технологий такими быстрыми темпами, как это происходит сейчас. Надо переговорить на этот счет с императором. У нас на подходе мартен на Обуховском заводе, авось гарвееву броню освоим. Новые орудия приняты на вооружение, враги машины тройного расширения скоро ставить начнут. Прогресс надо учитывать. Чем МТК понравился проект Гуляева? Возможностью уве-

личить скорость носового огня¹¹. Побольше железа хочется закинуть в супостата за одну единицу времени? Похвально! А про то, что нос получается слабо защищенным, забыли? Вот у нас и появляется предлог для переработки проекта и еще одна тема для серьезного разговора с Шестаковым.

За дверью, в приемной, раздались громкие голоса, кто-то, кажется дежурный офицер, спорит, кто-то гулко хохочет. Что за бардак? Так, отчет в папку, папку в стол.

Дверь открылась на всю ширину. Не кабинет, а проходной двор. Это кто у нас так красиво нарисовался? Кого пустили без доклада? Высокий генерал, распахнув руки, уже шагает ко мне, впечатывая сапоги в лежащий на полу персидский ковер.

– Алексис! Слышал, что ты заболел, и рад, что это не так!

Эге, да это к нам старший «братец» пожаловали, великий князь Владимир Александрович, собственной персоной. Встаю из-за стола ему навстречу. Обнимаемся, целуемся. Нет, мы не голубые, здесь так принято. Он берет меня за предплечья и поворачивает лицом к окну, заглядывая в глаза.

– Мальчик мой, ты бледен! Глаза у тебя красные, щеки ввалились! – Он говорит воркующе, понизив тон и сменив тембр голоса, явно пародируя голос кого-то из наших родственников. Бросает мимолетный взгляд на мой рабочий

¹¹ В отчете МТК написано именно «скорость носового огня». Сейчас это называется огневой производительностью.

стол и констатирует: – Ты впал в болезнь бюрократизма. Ты просто издеваешься над собой. – Владимир поворачивается к новым шкафам. – Какие говорящие названия! «Былое», «Настоящее», «Будущее», «Наисрочнейшее»! Ты совершаешь Геркулесов подвиг? Разгребаешь авгиевы конюшни в своем ведомстве? Кстати, пишешь ты по-прежнему с ошибками.

Я, помимо воли, улыбаюсь, он же смеется во весь голос.

– Ты знаешь, что от душного кабинета и пыльных бумаг развивается чахотка?! – провозглашает Владимир и добавляет, понизив тон: – Ты, кстати, ужинать, где собирался? Ты никого не ждешь?

– Планировал дома. – Я пожимаю плечами. – На вечер никого, кроме бумаг, не назначал.

– Оставь свои надежды. Я похищаю тебя от дел на пару часов. – Он смотрит на часы. – Михень нас ждет в коляске.

Что же, в принципе он прав, немного развеяться мне не помешает. Вечно сидеть взаперти все равно не получится, да и с «родственниками» надо «познакомиться». Голому собраться – только подпоясаться. Я беру портмоне из ящика стола и уещаю его себе в карман под слегка удивленным взглядом великого князя. Цепляю к поясу саблю, надеваю фуражку.

– Куда направимся?

– На Большую Морскую. Место еще не приелось, и этим надо пользоваться, – отвечает Владимир и, приобняв за пле-

чи, тянет к дверям.

Впрочем, на пороге приемной он пропускает меня вперед. Я отдаю указание камердинеру отправить мой экипаж вслед за нами и прошу адъютантов ужинать, не дожидаясь меня.

В коляске у подъезда нас ждет очень миловидная женщина лет двадцати пяти. Признаться, я не сразу вспомнил, что под домашним прозвищем Михень скрывается Мария Павловна – супруга Владимира.

– Алексис, как я рада вас видеть! – улыбается Мария, протягивая мне ручку для поцелуя. – Вы стали совсем букой – нигде не появляетесь. По Петербургу уже ходят разнообразные слухи.

– У меня такая репутация, что слухом больше, слухом меньше... – усмехаюсь я. – Даже если я прямо сейчас приду схиму, это будет воспринято как очередное чудачество! А то, что я не появлялся в свете, объясняется очень легко – приболел.

– Надеюсь, ничего серьезного? – морщит лобик Михень.

– Легкая простуда, уже все прошло! – успокаиваю я.

Мы с Владимиром усаживаемся на пухлые сиденья, коляска трогается. По пути в ресторан мы обсуждаем погоду, музыкальные новинки, программу оперного театра. К его немалому удивлению, за месяц работы над документами я изрядно отстал от столичной жизни.

А вот и ресторация Кюба. Вальжный, как фельдмаршал, метрдотель, заметив нас, принимает строевую стойку. Нашу

компанию проводят в отдельный кабинет. Накрахмаленная до твердости фанеры скатерть, золоченые канделябры, свежие цветы в хрустальной вазе. Толстая кожаная папка меню, затапливаемые завитки у букв. Названия блюд на французском, пояснения – на русском. А нуждается ли образованный человек в таком переводе? За дикарей нас держат господа рестораторы? Ладно, я сегодня добрый, уже почти расслабленный...

Что нужно для успеха «точки общественного питания» в Санкт-Петербурге? Изысканная французская еда от мастера дворцовой кухни, варварская роскошь вызолоченных стен. И общество. Шик от того, что купец или заводчик из Москвы или Нижнего Новгорода может сказать: «Я был у Кюба, там вкушают великие князья, наимоднейшие певички, цвет балета и богатейшие финансисты империи». Рецепт модного места прост и придуман не сегодня.

Мы усаживаемся за стол. Метрдотель, окинув орлиным взором сервировку и убедившись, что она безупречна, величественно удаляется. Официант во фраке и манишке быстро, но не торопливо зажигает свечи. Рядом стоит сомелье¹², которого я опознаю по серебряному ковшику на пузе.

Я заказываю устриц, финскую форель, жаль, что ропшинской здесь не полакомишься, вся уходит к императорскому столу. Телятину с кореньями и фуа-гра, как написано в при-

¹² Основной вопрос, которым занимается сомелье в ресторане, это рекомендации по выбору и обеспечение грамотной подачи напитков гостям.

мечании: «паштет из гусиной печени по-страсбургски в перигорских трюфелях». От жаркого я решил отказаться. Диета, друзья мои, диета.

– Коли прикажете-с, есть игристые вина «Новый свет» и «Парадиз» от князя Голицына, в меню не отмечены-с, но весьма популярные напитки-с! – склоняется к нам сомелье.

Мы с Владимиром синхронно переглядываемся и дружно мотаем головами. Увлечение царственного брата отечественным виноделием приходится поддерживать на официальных приемах, но употреблять плоды крымских виноградников на отдыхе... Увольте – нет никакого желания.

– Тогда рекомендую «Вдову Клико», – продолжает сомелье.

– Любезный, «Вдову Клико» оставим для гвардейских корнетов, а нам неси «Перье Жуэ». Да, и к устрицам подай шабли! – распоряжается Владимир.

– А все же, Алексис, я не согласна с вашим выбором. Откуда возьмутся в Питере приличные устрицы, сезон еще не начался, – вступила в разговор супруга Владимира. – Если так соскучились по устрицам, собирайтесь с нами в Ниццу, там вы с ними не ошибетесь.

– Сдаюсь! – Я шутливо поднимаю руки. – Устрицы отметить, но шабли все равно несите. Буду чередовать.

– Сегодня ты оригинален! – рассмеялся Владимир.

– Алексис, раз вы отказались от устриц, я рекомендую вам, как выздоравливающему, начать обед с консоме, –

вновь вмешалась в разговор Мария Павловна.

– И вновь я с вами согласен. Не в моих силах устоять перед столь очаровательной заботой. – Я повернулся к официанту. – Ты слышал?

Официант с достоинством кивает. Покончив с заказом, Владимир разворачивается ко мне.

– Алексис, расскажи-ка мне, что нового ты затеял? – интересуется «брат». – А то в последнее время ты весь в делах. Забросил нас, забросил друзей...

– Да что рассказывать, mon cher!¹³ – отмахиваюсь я. – Бумаги, будь они неладны. Я просто утопаю в них.

Некоторое время мы, обмениваясь только незначительными репликами на тему гастрономии, занимаемся «вкушением» (по-другому этот тонкий процесс дегустирования не назовешь) поданных блюд. Едим неторопливо, как только могут кушать люди, никогда за всю свою жизнь не испытывающие чувства голода. Для аристократов, вроде моих нынешних сотрапезников, еда – не банальное набивание живота, а некий ритуал, схожий по сложности с японской чайной церемонией. И разговаривать во время этого действия на серьезные темы считается дурным тоном.

Наконец, перепробовав все блюда и слегка насытившись (по сути, только немного «заморив червячка»), мы откидываемся на мягкие спинки удобных стульев. Вот теперь, под коньяк, кофе и сигары, наступает время серьезных разгово-

¹³ Мой дорогой (*фр.*).

ров. Владимир, спросив у жены разрешения, достает папиросы и, закулив, предлагает мне. Я отказываюсь. Нам приносят коньяк, а Марии Павловне – бисквиты и херес.

Интересно, а если я сейчас спрошу старожилу о нестандартном поведении оседланного Олегом цесаревича, что он мне ответит?

– Скажи мне, Вольдемар, а что ты думаешь о Ники?

– Я не рассматриваю его опасным, – выпустив густой клуб ароматного дыма, отвечает Владимир. – События в Гатчине показали его как разумного и послушного мальчика. Некоторые из моих офицеров решили про него невесть что, а себя соответственно вообразили лейб-кампанцами. В результате же получился легкий пшик, немало их смутивший. Ники расплакался как мальчишка. А они разочаровались в нем. Не менее половины присутствовавших были у меня с серьезными лицами и с секретнейшими докладами, не позднее следующего дня. Думаю, вторая половина присутствовавших тоже побежала доложиться, но, увы, не мне. Это не заговор, а спонтанное движение, стремление не упустить момент. Я не предпринял действий и позволил развиваться событиям самим по себе. И что же? Милейший Ники принялся играть в солдатики. Обучать гренадеров «новому» рассыпному строю и стрельбе по дальним целям. Несколько дней они, подыгрывая мальчику стойко демонстрировали рвение в новых дисциплинах, вроде подрывного дела. Но как только он уехал, вернулись к службе по старым уставам.

– Ты думаешь, что той ночью в Гатчине он просто оказался слаб в коленках? – засомневался я. Я, хоть и видел Олега Таругина всего пару раз, как-то слабо представляю его рыдающим перед офицерами.

– Да, ты в ударе! – хлопает меня по плечу Владимир. – Михень, это надо запомнить, а может быть и записать. Наш *enfant terrible*¹⁴ просто слаб в коленках!

Затем Владимир согнал с лица улыбку и ответил совершенно серьезно:

– Слаб в коленках? Пожалуй, нет. Я так не думаю. – «Братец» снова выпустил клуб дыма, отхлебнул коньяку и задумчиво продолжил: – Алексис, я рад, что ты, вечно чуравшийся всех этих дел и обходивший политику третьей дорожкой, завел этот разговор. Многое меняется сейчас, и если ты позволишь, я дам тебе один совет. Когда мне надо узнать, что надеть на смотр, я смотрю на термометр Реомюра. А во внутриполитических делах я ориентируюсь на поведение Змея¹⁵. Скажу тебе, как новичку, – он самый замечательный индикатор. Змей мудр, хладнокровен и хитер. К тому же он смотрит далеко вперед, выпестовывая будущее уже сегодня, задолго до того, как оно наступило. Он последователен в своих дей-

¹⁴ Ужасный ребенок (*фр.*).

¹⁵ Змей – одно из прозвищ Победоносцева. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – юрист и государственный деятель. В 1860–1865 гг. профессор гражданского права в Московском университете; в 1862–1865 гг. обер-прокурор 8-го Московского департамента Сената, в 1868-м сенатор, в 1872-м член Государственного совета, с 1880-го обер-прокурор Священного синода.

ствиях и нетороплив, но если возникает нужда, то, приняв решение, он становится неукротим и молниеносен. – Владимир сделал небольшую паузу и печально закончил: – Он всегда добивается своего.

– К чему это все? – недоумеваю я.

– К тому, что сейчас он застыл и не предпринимает никаких действий. Не думаю, что его можно чем-нибудь удивить. Он ждет некоего результата. А значит, не предпринимая резких движений и я. Это же советую и тебе. Многие сейчас делают ставки на будущее, но у многих эти ставки сгорают. Наш дорогой брат Сергей тебе в пример.

Я невольно скривился. Он-то здесь при чем?

– Что ты морщишься? Поверил в дурацкие слухи, распускаемые Цецилией¹⁶, или тебе не по душе, что он хотел свести Ники с сестрой своей жены? Ты сам прекрасно знаешь, наш богомольный идалго не содомит¹⁷, а наше премилое общество навесит подобный ярлык на любого, не имеющего минимум двух любовниц. Его идея о браке наследника с принцессой Гессенской далеко не глупа. Это шанс укрепить родственные связи со старушкой Викторией и немного сгладить

¹⁶ Цицилия (Цецилия) Августа (1839–1891) – принцесса и маркграфиня Баденская, после замужества и перехода в православие – российская великая княгиня Ольга Федоровна.

¹⁷ Разные исторические источники дают противоположные оценки сексуальной ориентации великого князя. Авторы решили, что у героев романа тоже будут разные мнения: Олег Таругин уверен в гомосексуализме Сергея Александровича, а Сергей Платов – нет.

наши отношения с Англией. Вот уж с кем нам сейчас не нужно войны, так это с британцами. Силы, как ты понимаешь, далеко не равны, а наши союзники, скажем откровенно, пока слабы.

– Ладно, оставим. Скажи мне, мой милый брат, с чего ты взял, что я планирую предпринять нечто способное повлиять на общую ситуацию? – делано удивляюсь я.

– О! – Владимир поднимает указательный палец. – О вашей вялотекущей размолвке с Шестаковым знают все заинтересованные лица. И уж прежде всего те, кто его поддерживает. Точнее, представители той партии, к которой он принадлежит. Сейчас ты спешишь воспользоваться ситуацией, посчитав, что смерть Каткова резко ослабила их позиции и позволит тебе провести желаемую рокировку.

– Ну и что же? Изволь договорить! – настаиваю я, про себя подумав: «А ведь это и твоя, «братец», партия!»

– С какой целью мой брат, сказавшись больным, зарывается на две недели в бумаги, вороша и прошлое и текущее одинаково тщательно, словно в поиске некой жемчужины? И выздоравливает только после того, как на «болезнь» обращает внимание Александр? – прищурившись, спрашивает Владимир.

– Не понимаю, о чем ты! – Я «включаю дурака».

– Кого ты думаешь назначить на пост главы Морского ведомства? – теперь напирает Владимир.

– Я думаю, Лихачева¹⁸. Талантлив и умен, деятелен и честен! – признаюсь я.

– Лихачев... И кто бы мог подумать. Ярый приверженец дядюшки Константина. Весьма нетривиальный ход! – Он откидывается в кресле и поглаживает рукой бородку. – Позволь поинтересоваться, когда твой Лихачев последний раз был при дворе? У него есть команда, готовая его поддержать? Кто встанет на ключевые места в ведомстве? Не только преданные, но и компетентные? Почему ты думаешь, что Лихачев сработается с теми, кого на посты расставил ты, а не он?

Я молчу, ибо не знаю, что ответить. Зря я разоткровенничался, зря. Владимир улыбается краешками губ.

– Мой простодушный брат, ты думаешь, что садишься за покерный стол, а сам оказываешься на шахматной доске! – многозначительно произносит «братец», сполна насладившись своим триумфом.

– Я предпочту играть партию, а не быть играемой фигурой! – упрямо отвечаю я.

– Большая ошибка так думать! – хихикает Владимир. – Но ты не одинок в своем заблуждении. Таких множество!

– Алексис, хочу вам заметить, что раньше ваше лицо отличалось великолепной отрешенностью от житейской суеты! – внезапно вмешивается Михень. – Сейчас же, пытаюсь

¹⁸ Лихачев Иван Федорович (1826–1907) – российский военный и государственный деятель, адмирал.

занияться делами серьезными, вы волнуетесь. Это заметно даже мне.

– Даже Михень читает тебя сегодня, как открытую книгу! – усмехается Владимир. – Алексис, что с тобой?!

– Вы устали, мой друг! – продолжает Михень. – Вы измучили себя делами, одним днем не решаемыми.

Я, чувствуя, как у меня горят уши, молю своих «палачей»:

– Давайте сменим тему!

Супруги заливаются веселым смехом, но с опасной дорожки мы съезжаем. Мысленно вяжу узелок себе на память: вместо утренней пробежки необходимо потренироваться перед зеркалом. Умение управлять своим новым лицом – это серьезно.

Смеясь и эпатируя супругу, Владимир рассказывает о том, что в лейб-гвардии гусарском полку образовался превеселый обычай. После изрядного употребления горячительного brave гусары воображали себя волками, выбегали на улицу в чем мать родила, садились на четвереньки у дверей буфета, задирали свои пьяные головы к луне и начинали громко выть. Заранее подученный служитель выносил им лохань с водкой или шампанским, из которой они всей стаей начинали лакать, визжа и кусаясь. Дисциплинарных мер по отношению к этим шалунам командир полка, великий князь Николай Николаевич, пока не применял, жалоб не поступало.

Насколько я помню, в ближайшем будущем в этом полку предстояло пройти стажировку цесаревичу. Интересно, что

он предпримет, столкнувшись с данным казусом. Олег Таругин запомнился мне достаточно резким мужиком, боюсь, что конфликта не избежать.

Владимир предлагает продолжить веселье, но я, к его неподдельному огорчению, откланиваюсь и отправляюсь домой, винопитие сейчас не по моей части.

Умный он все-таки мужик, «мой братец Володенька». Умный, хваткий и сообразительный. Надо будет обязательно поближе свести его с цесаревичем, такой сторонник будет только полезен. С Димычем, я думаю, он тоже найдет общий язык. Владимир Александрович – единственный из великих князей, в чей дом пускают промышленников и банкиров.

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)¹⁹

Яркий солнечный день. Белое золото на синем ковре, словно лучи солнца играют с пенными барашками волн. Колонна броненосцев продвигается мимо белоснежного острова, оставляя его слева по борту. Пара легких крейсеров убежала с дозором вперед.

– Мичман! Что на горизонте? – зычный бас генерала-адмирала Российского императорского флота разносится над океаном.

– Горизонт чист! – звонко рапортует мичман, приложив ладошку к непокрытой голове.

– Будь внимателен, мичман. Говорят, в этих краях замечали пиратов.

– Так точно, господин вице-адмирал! – Опустившись на коленки, он продвигает крейсера вперед.

– Поднять наблюдательный шар!

Заливисто хохоча и дрыгая ногами, Мишкин²⁰ взмывает вверх на моих руках.

– Я их вижу! Вот они! Вот они слева по борту! Они спря-

¹⁹ Автор этой главы Сергей Плетнев.

²⁰ **Мишкин** – домашнее прозвище великого князя Михаила Александровича.

тались у острова Габардин!

Крашенные серой шаровой краской, настоящей «морской», утюги пиратских броненосцев укрылись за диваном, стоящим рядом с окном.

– Играть боевую тревогу! Все по местам!

Оставив Мишкина с нашей эскадрой, шагаю к окну, теперь мне играть за противника. Сначала я хотел немного пограбить музей МТК, уж больно хороши были модельки, стоящие в его шкафах, но потом решил, что игрушки, собранные самостоятельно, будут гораздо интересней. Набросать эскиз того, что я хочу увидеть, и дать распоряжение плотнику, служащему у меня во дворце, а ранее ходившему на «Петре Великом», было делом получаса. Старый моряк не подвел, через пару дней я получил заказ, мешок разнокалиберных крашенных брусков и палочек. Две недели назад, на пару с Мишкиным, мы занялись сборкой. Под удивленными взглядами Ксении и Ольги палочки и брусочки превратились во вполне сносные для игры броненосцы и крейсера. Пару дней их таскали по детской за веревочку и гудели на разные голоса, ну а затем началась игра.

– Мичман, определите дистанцию до кораблей противника.

Мишкин садится на ковер и прищуривает левый глаз, всматриваясь поверх линейки. Задача условная и далеко не сложная, враги у нас представлены исключительно броненосцами. Но игра есть игра, все должно быть по правилам.

Позавчера я показывал ему свежееотпечатанный военно-морской справочник и рассказывал, как исчисляют расстояние до врага на флоте.

– Эскадренные броненосцы! Четыре единицы! Расстояние до головного шесть метров.

Он смотрит на меня, ожидая ответной реакции. На самом деле расстояние максимум метров пять, но и это хороший результат, перевести вершки в метры в уме непросто и взрослому. Я выдвигаю вражеские броненосцы из-за дивана ближе к центру комнаты.

– Противник ускорил ход и идет на сближение. Ваши действия, мичман?

Постреленок резво отодвигает передовой крейсерский отряд вправо и поворачивает свою броненосную колонну налево, обозначая желание пересечь курс моих кораблей под прямым углом. Вторая пара его легких крейсеров прикрыта от меня броненосцами. Быстро схватывает, молодец, но так просто меня не взять, и он это понимает. Где-то в комнате, за каким-то из «островов» (их у нас обозначают стулья, накрытые покрывалами) прячется еще один мой броненосец, условно отправленный мной в разведку как самый быстроходный корабль. Попробуем разыграть бой на встречных курсах, тем более что по условиям у меня превышение в эскадренной скорости на полтора узла. Мой отряд отворачивает влево, словно устремляясь за его убегающими крейсерами-скаутами. Мишкин спрямляет курс своих броненос-

цев, по-прежнему угрожая успеть поставить мне палочку над «Т». Теперь я вынужден взять еще левее, попасть головным кораблем под полноценный залп всех трех его броненосцев мне не улыбается. Медленно сближаясь, наши деревянные броненосцы ползут по ворсу ковра почти на параллельных курсах. Пока мой головной находится на уровне второго корабля его линии, но скоро начнет сказываться преимущество в скорости, и навязывать маневр буду я.

– Дистанция открытия огня. – Он немного медлит, выжидающе глядя на меня, и добавляет: – Главным калибром.

– Действительно, мичман, давай проверим. – Я улыбаюсь в усы, наблюдая, как он, вытягивая носок, отмеривает два шага. – Будем считать, что можно открывать огонь. А боезапас раньше меня потратить не боишься?

Мишкин чуть кривит губы и молча поворачивает башенки в мою сторону. Что-то задумал, посмотрим, молодой человек, посмотрим. Я приношу поднос с маленькими блюдами из кофейного сервиза и помогаю расставить их на башни. Сегодня в качестве «боезапаса» выступает черная смородина.

– Залп! – командует Михаил, делая отмашку правой рукой.

Первый выстрел произведен. Игральные кубики звякнули в жестяной коробке из-под монпасье, мел заскрипел на грифельных досках у нас в руках. Попаданий пока нет, «огневые припасы» тают. Мишкин щепоткой забрасывает спелые яго-

ды в рот, а я передаю «снаряды» подошедшей ко мне поближе Ольге. В отличие от Ксении, ускокавшей по своим крайне важным девичьим делам, она дисциплинированно ждала этого момента на коленях у бонны.

Обмениваясь залпами главного калибра, мы маневрируем по комнате минут пять. Михаил начисто выбил мне кормовую башню на головном броненосце и добился трех попаданий в бронепояс. Второй корабль моей линии получил «удачное» попадание в носовую оконечность и лишился труб, что заметно снизило общую эскадренную скорость. Места попаданий были на радостях отмечены раздавленными ягодами, хотя после вчерашнего замечания Марии Федоровны мы договорились использовать для этой цели мел. Выйти вровень с Мишкиным головным кораблем я успел, но навязать маневр теперь не получалось. Мишкины концевые броненосцы получили по паре далеко не фатальных попаданий в бронепояс, а средний вдобавок лишился почти всей артиллерии в каземате левого борта. Пара Мишкиных легких крейсеров держалась чуть позади, вне зоны досягаемости огня моих кораблей, а авангард ускокал за «остров» Белый, к которому наши линии приближались на всех парах. Момент, когда надо было сблизаться, я позорно прозевал, а сейчас этого делать было нельзя, риск остаться без башен главного калибра на головном был слишком велик. Фортуна сегодня явно на стороне Михаила.

– Какое решение примете, господин вице-адмирал? –

Мишкин смотрит на меня, прищулив левый глаз.

Да вот такое. Я отворачиваю свой флагман чуть левее, намереваясь загородиться «островом» от броненосцев Мишкина и под его прикрытием разорвать дистанцию. Но маленький сорванец сегодня в ударе, его броненосцы чуть прижимаются к моей линии, а затем он обегает стулья и провозглашает.

– Минная атака!

Два его авангардных легких крейсера, форсируя машины, уступом несутся навстречу моим броненосцам.

– Мичман, а тебе моряков не жалко? Я же твои крейсера средним калибром на щепки разберу.

– Чьи бы щепки плавали, – парирует Мишкин, продвигая крейсера вперед, и берет чуть правее.

Я командую «поворот все вдруг». Кости гремят в жестянке, казематные орудия бьют по крейсерам. Мишкины броненосцы дают полноценный залп по моим, выбивают трубу на концевом и сразу же повторяют мой маневр, стараясь сократить дистанцию. Один из крейсеров получает два попадания в нос и теряет башню, но полный торпедный залп успевают сделать оба крейсера. Длинные шведские спички заскользили по ковру к моим кораблям. Я судорожно маневрирую флагманом и кидаю кости за противоминный калибр...

– Флотоводцы, пора завтракать, – возвещает голос незаметно подошедшей Марии Федоровны. – Папа подойдет через пару минут, идемте в зал.

Мишкин безропотно встает с ковра, оставляя все, как есть, позиция застывает. Я, признаться, отрываюсь от игры с трудом. Поднимаю взгляд на Марию Федоровну, но, встретившись с ее смеющимися глазами, понимаю, что игра окончена.

– Дядя Алексей, мы доиграем после завтрака? – У Мишкина блестят глаза, хотя слез не видно.

– Вряд ли, ты сам понимаешь, дела... Но ты знай, ты победил в этом бою, – я говорю, положив руку на его плечо, – без шуток и уступок. Честно. Своим умением и знанием.

– Как же, вы Ксении с кормовой башни весь боеприпас отдали, – тянет он, но уже потихоньку улыбается.

– Будем считать, что она сломалась, так ведь бывает в бою. – Я треплю вихры на его голове. – Идем завтракать. Папа не должен нас ждать.

Интерлюдия²¹

Военно-морской парад, приуроченный к «золотому юбилею»²² коронации королевы Виктории, был пышен, как никогда. На портсмутском рейде в виду Спитхеда собралось более полутора сотен боевых кораблей. Отблескивающие свежей краской и расцвеченные флагами корабли выстроились в пять колонн, протянувшихся не менее чем на пять миль каждая. Зримое и наглядное воплощение британской мощи.

²¹ Автор этой интерлюдии Сергей Плетнев.

²² 23 июля 1887 года.

Вот он, стержень, скрепляющий империю, и нет пока в мире никого, способного бросить ей вызов.

Двадцать броненосцев, сорок крейсеров, мониторы, шлюпы, миноносцы выстроились, приветствуя ее величество. Ровно в два часа пополудни королевская яхта «Виктория и Альберт» отошла от причала и пошла курсом параллельно выстроенным кораблям. Наследник престола принц Уэльский в мундире адмирала флота представлял на параде свою сиятельную мать. Вслед за королевской яхтой потянулись суда, на которых разместились высшие сливки империи: лорды Адмиралтейства, премьеры колониальных правительств, члены палаты лордов и палаты общин. Под громы оружейных салютов и литавры корабельных оркестров флотилия избранных проходила мимо строя боевых кораблей.

Сама королева Виктория наблюдала за действием в подзорную трубу из окна своего замка на острове Уайт. По правую руку от нее с достоинством стоял невысокий худой мужчина, роскошные рыжие усы ярким пятном выделялись на его болезненно бледном лице.

Это был день его триумфа, и он мог позволить себе снисходительно взирать на происходящие торжества, принимая приветственные салюты и на свой счет. В его руках была сосредоточена власть над всей мощью империи, он долго к этому шел и наконец достиг. Его звали Рэндольф Спенсер Черчилль²³. Его путь был сложен и извилист, за временны-

²³ Рэндольф Спенсер Черчилль (1849–1895) – лорд, третий сын 7-го герцога

ми взлетами следовали падения, но сейчас он стоял на долгожданной вершине, и никто, взглянув на него, не смог бы сказать, что всего полгода назад он был близок к отчаянию.

Черная пучина безвестия, вторая скамейка запасных, на которой он должен был закончить свои дни, была нестерпима и недопустима для него, привыкшего быть в центре внимания. Про него можно было смело сказать, что он не любит ходить на свадьбы и похороны, так как в первом случае он не может быть невестой, а в другом покойником. Но тогда обстоятельства сложились так, что в январе ему пришлось пойти на крайне рискованный шаг, выступить против политики кабинета Солсбери. Поставив на карту все, Рэндольф проиграл. Премьер-министр не поддался на шантаж и принял его отставку, а ведь в качестве лидера палаты общин и канцлера казначейства Черчилль контролировал все текущие дела и держал на крючке все министерства и ведомства. Он рассчитывал, что Солсбери будет вынужден принять все его условия или кабинет консерваторов рухнет. Не получилось. Солсбери упрямо гнул свою линию, все попытки вернуться в правительство кончились неудачей. Карьера была для Рэндольфа и для его семьи жизнеопределяющей константой. Были моменты, когда на Черчилля накатывались пессимизм и неверие в собственные силы, но он не сдался, и фортуна повернулась к нему лицом.

Мальборо, известный политик, депутат палаты общин от консервативной партии, занимал должность канцлера казначейства.

Внутренние дела, по признанию Солсбери, были источником постоянного раздражения, а внешняя политика глотком чистого воздуха. Вот в дипломатию упрямый маркиз и заигрался. Постоянные колониальные конфликты с Францией вызывали крайнее недовольство в империи. Более того, французы стремительно наращивали свои военно-морские силы и через несколько лет смогли бы бросить вызов флоту ее величества.

Закулисно и очень осторожно Солсбери нагнетал напряженность в отношениях между Францией и Германией. Если бы немцы заново промаршировали по Елисейским Полям, опасность была бы нейтрализована. Бисмарк был не прочь разделаться с французами, но позиция России оставалась неясной. Оставлять дело на самотек было нельзя, русский император здоров как бык, а наследник, испытывающий к немцам самые дружеские чувства, придет к власти не скоро.

Дипломатический зондаж ничего не принес, в Петербурге отделялись весьма туманными намеками, но чувствовалось, что перспектива новой европейской войны радости русским не несет. Оставался единственный выход – связать русских войной на Балканах, где по планам Бисмарка против них должны были выступить в едином строю австрийцы, итальянцы, турки и англичане. Интересам Солсбери такая коалиция вполне соответствовала, и он, засучив рукава, начал создавать Средиземноморскую Антанту. Турки, не забывшие болгарского урока, воевать с русскими не хотели

принципиально, но и без Турции мощи трех держав должно было хватить с избытком.

После подписания договора Солсбери, будучи крайне сдержанным в беседах с германским послом, подал Берлину недвусмысленный намек. В английских газетах под псевдонимом Дипломатикус был опубликован ряд статей, указывавших, что в случае вторжения германских войск во Францию через территорию Бельгии Англия не будет защищать ее нейтралитет, а британские обязательства перед Бельгией, данные по договору 1838 года, столь ничтожны, что за давностью лет утратили всякую актуальность.

Масла в огонь подлили скандальные высказывания русского цесаревича, который, находясь с визитом в Австро-Венгрии, умудрился публично оскорбить правящую династию. К радости Солсбери, Франц-Иосиф был готов объявить мобилизацию, но осторожный Бисмарк удержал австрийцев, предоставляя англичанам право первого выстрела. В одиночку австрийцы много не навоюют, а у Британии в последний момент всегда могут найтись заботы вдали от Старого Света.

Солсбери прекрасно понимал, что, не обеспечив себе надежный тыл, Германия не полезет в драку с Францией. Необходимо было что-то срочно предпринимать, в противном случае блестящий план летел коту под хвост, а созданная его усилиями Средиземноморская Антанта теряла смысл. В качестве спасительного решения было воспринято предложе-

ние, сделанное почтенными господами из Карлтон-клуба.

Идея была проста, русский цесаревич должен был быть убит во Франции, и сделать это должны были поляки. В таком случае было гарантировано охлаждение отношений между Парижем и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и внутренние проблемы в России – с другой. Как бы русские ни старались, но всех корней польской оппозиции они выкорчевать не смогли. Убийство наследника российского престола должно было послужить детонатором к новому восстанию в Польше. В любом случае, после убийства цесаревича русские не смогли бы помешать франко-германской войне.

План был хорош, и сейчас, прокручивая его в голове, Черчилль отдавал ему должное. Но увы, как это часто бывает, даже самые лучшие планы хороши лишь до того момента, как их начинают воплощать в жизнь. Русские оказались не так просты. Покушавшиеся поляки были перебиты или схвачены. А следом за этим трагически погиб и сам маркиз Солсбери.

Положа руку на сердце, Черчилль не держал зла на неведомых убийц. Если бы не они, Рэндольф не поднялся бы на верхушку политического Олимпа Британской империи и никогда бы не смог занять пост премьер-министра. Впрочем, хотя спускать с рук произошедшее он не собирался, что-то сделать пока было невозможно. Вместе с соболезнованиями о смерти премьера, пришедшими по дипломатическим каналам, Форин Офис получил практически от всех правящих

дворов Европы ряд резких неофициальных высказываний о недопустимости действий покойного по организации покушения на члена императорского дома. Мало того, в уже намеченную программу праздника пришлось вносить изменения. Первым отменил визит русский император. Впрочем, Черчилль, зная подоплеку недавних событий, этому жесту не удивился. Но за этим отказом последовала отмена визита со стороны Германии. Затем, буквально в течение недели, отказались: Австро-Венгрия, Франция, а вслед за ними и остальные королевские дома Европы.

Последним ударом стал отказ (за два дня до праздника!) присутствовать на торжествах от короля Бельгии. Причем тонкий намек на некоего Дипломатикуса, высказанный послу ее величества в Министерстве иностранных дел Бельгии, заставил самого Черчилля выругаться в адрес идиотов, которые своим усердием перегнули палку. Потерять всех будущих союзников и воевать собственными силами Англия никогда не любила. В результате самонадеянных игр покойного Солсбери Британия оказалась в состоянии политической изоляции. На торжества, посвященные юбилею коронации ее величества, приехали только близкие родственники.

Лорд Рэндольф посмотрел на сидящую возле него пожилую женщину с выпуклыми глазами и скошенным подбородком. Она сильно постарела за последние месяцы, набрякшие мешки под глазами уже не замазать никакими белилами. Было заметно, что она устала и держит подзорную трубу из по-

следних сил. Отбирать бесполезно, фамильное королевское упрямство не побороть. Черчилль смахнул платком со лба проступившую испарину и помахал рукой. В ответ раздались приветственные крики тысяч собравшихся внизу людей.

Рассказывает Сергей Платов (великий князь Алексей Александрович)²⁴

В очередное прекрасное зимнее утро я вышел от императора и неторопливо шагал длинным коридором Зимнего дворца, направляясь к выходу. Внезапно меня окликнул атаманец из конвоя наследника и передал его просьбу о приватной беседе. Немного помявшись, казак добавил, что его высочество просил упомянуть: во время беседы могут присутствовать господа Алекс и Юстас. Усмехнувшись нехитрому, но тем не менее понятному только видевшим на экране знаменитый сериал пароллю, я кивнул и последовал за офицером. Дело понятное, с возвращения Ники не прошло и трех дней, и времени поговорить по душам с «братом-засланцем» до настоящего момента просто не было. А разговор был необходим, нужно было четко согласовать наши планы и совместные действия. Да и просто было интересно узнать, что сейчас собой представляет Олег, оказавшийся в теле наследника престола.

В левом крыле дворца, там, где раньше размещались покои императрицы, теперь безраздельно царил Олег-Николай. По мере приближения к покоям Ники, количество воору-

²⁴ В написании этой главы участвовал Сергей Плетнев.

женных людей увеличивалось в арифметической прогрессии. Его «собственный конвой» из атаманцев, чьим шефом цесаревич являлся «по должности», был весьма изрядно разбавлен конногренадерами и стрелками императорской фамилии – ближними и самыми верными Николаю полками лейб-гвардии. То тут то там, порой в самых неожиданных местах оказывались... нет, даже не караулы, а самые натуральные секреты, состоящие из одного-двух офицеров и полудесятка солдат. Все они настороженно разглядывали меня, но, повинувшись легкому движению руки молчащего сопровождающего атаманца, не останавливали и никаких вопросов не задавали. «Двойка, с занесением в грудную клетку, этим «караульщикам»! – подумал я. – Они просто обязаны проверять пропуск-предписание у атаманца».

В самой приемной на диване развалилась сладкая парочка, поручик и флотский лейтенант. В нарушение всех воинских уставов и традиций, эти двое не вскочили и не вытянулись в струнку при моем появлении. Все-таки перед ними был великий князь и адмирал. Отнюдь, ребятишки с этой ленцой встали и принялись в упор меня разглядывать. Н-да... Интересные порядочки заведены у моего «племянника»! Очень хотелось рывкнуть на них, с использованием слов и идиоматических выражений «русского командного». Пехтура-то ладно... а вот мареман возмутил! Однако я сдержался. Ничего не сказав, я прошел к предупредительно пахнущим атаманцем дверям, ведущим в покои Николая.

А вот и он! Обычный с виду парень в казачьем мундире с черными, от усталости, кругами под глазами небрежно откинулся на спинку кресла. На известные мне портреты «хозяина Земли Русской» этот человек походил мало. Бороды нет, и даже то недоразумение над верхней губой, что вместо полноценных усов носил в реальности наследник в 18–20 лет, полностью отсутствует. Хорошо еще, что «племяшка» голову «под Котовского» не обрил, как это делал в прошлой жизни сам Олег. Хотя здесь бы такой фасончик назвали «под Романова»...

– Рад вас видеть в добром здравии, дядюшка. Вдвойне рад, что соблаговолили безотлагательно посетить меня. – Сказав это, Николай напряженно замолчал.

– Здравствуй, Ники. С возвращением домой! – Я шагнул к столу, ожидая, что наследник встанет, чтобы поприветствовать. Но Ники не покинул кресло.

– Мне казалось, что ты хотел обсудить со мной покупку «славянского шкафа»? – продолжил я, выразительно поведя глазами от одной стены до другой.

– Оставьте нас. – Цесаревич коротко глянул на стоящих у входа казаков. Тех словно ветром сдуло. Славно он их вымуштровал.

Только сейчас Николай встал, подошел ко мне и порывисто обнял. Ничего себе! Что это его на обжиманцы потянуло? Мы до попадания в прошлое виделись-то пару раз, от силы. Чисто шапочное знакомство! Хотя... Сидел ведь му-

жик один-одинешенек, в смысле – современников нет и не предвидится, а по душам поболтать наверняка тянуло...

– Прости, Сергей, что ломаю эту комедию... Но... никак, знаешь ли, не могу привыкнуть к присутствию здесь своих современников. До недавнего времени меня только хронокаратели посещали. И визиты эти едва не стоили мне жизни. Ну, про японские дела ты знаешь... – Николай хмыкнул и отрывистым жестом показал на кресло перед столом. – Присаживайся!

Когда я сел, наследник престола достал из ящика бюро пару рюмок и графинчик коньяка.

– Ну что, со свиданьем?! Рад тебя видеть!!!

– И я рад тебя видеть, Олег! Или нет – давай уж сразу, чтобы не привыкать к Олегу, буду звать тебя Николай. А ты зови меня не Сергей, а Алексей. Конспирация, панимашш, а то оговоримся на людях, – улыбнулся я. – Извини, но выпить не смогу. Печень, знаешь ли... Бывший хозяин тела успел его изрядно попортить.

– Да ладно! – отмахнулся Николай. – Чего тебе от одной рюмки будет?

Я отрицательно покачал головой.

– Вот это мило! – рассмеялся наследник, и я только сейчас понял, насколько молод... телом сидевший передо мной человек. – Тогда хоть зеркало на стол поставь, а то что же мне, как алкашу в подворотне, в одиночку пить?!

– Ну, до такого доводить, пожалуй, не стоит, – я тоже рас-

смеялся. – Хрен с тобой, наливай, только чуть-чуть, только губы смочить.

– Хозяин – барин! Силком заставлять не стану...

Ники налил себе полную рюмку, мне – плеснул на доньшко. Чокнулись. Принюхавшись к напитку, я в который раз помянул недобрым словом алкоголические наклонности великого князя. Коньяк был не просто хорош – он был великолепен! Такой бы смаковать, сидя в глубоком кресле, когда уютно потрескивает камин... Но, блин, мне нельзя, а Николаю явно не до тонкостей. Он махом опрокинул рюмку в рот, покривил губы и посмотрел на меня:

– Ну, ты как здесь, в общем и целом?

– В принципе – неплохо! Жаловаться грех – тело подлечим, зато сколько возможностей!

Ники вежливо покивал головой.

– Вот как раз об этом я и хотел поговорить. Давай сразу к делу. Вчера я переговорил с Александром об организации нового Морского кадетского училища. Имени адмирала Ушакова. Училище будет состоять под моим патронажем. В него будут приниматься мальчишки двенадцати-четырнадцати лет. Дети крестьян и рабочих. И солдатские сироты. Главное, чтобы не было дворянчиков и богатеев. Учиться будут семь лет. У лучших учителей, – рубил фразы цесаревич. – Ничего, что при поступлении пареньки будут неграмотными, можно составить тесты и отобрать самых талантливых. Здоровых. Психически устойчивых. Кстати, про-

фильными тестами займешься ты. А то составят нынешние Фрейды черт знает что...

Я открыл рот, пытаясь возразить, но Николай только махнул рукой:

– Через семь лет мне необходимо полтысячи верных мне офицеров флота! Грамотных и самых лучших! Я лично посмотрю, чтобы их не зажимали при присвоении званий.

Круто берет. Я негромко выдохнул и сказал:

– Отличная идея! Только это будут не офицеры, а унтер-офицеры.

Цесаревич отодвинулся поглубже в кресло и прищурил глаза.

– А это еще с какого хрена?

По-простецки. Попробую объяснить.

– Понимаешь, Ники, в существующее сейчас морское училище идет набор с двенадцати-тринадцати лет и все желающие сдают конкурсный экзамен. Невзирая на звания и заслуги родителей, принимаются грамотные и очень желающие служить на флоте юноши. Исключение – полные сироты и дети из семей, оставшихся без кормильцев. Они идут вне конкурса по специальному приказу. Сам понимаешь, что семьи имеются в виду прежде всего морские и офицерские. Море – это должно быть в крови. Флот силен в том числе традицией.

– Флот, говоришь. Традиция, говоришь. А на хрен мне нужен твой флот с ТАКИМИ традициями и кастовостью, что

сейчас есть?! Чванливые лентяи!!! «Много читающие, но не по профессии»... Знаешь, к чему это приведет через тридцать лет?

– Знаю, – кивнул я, – и свои семейные предания помню. Только давай менять устоявшийся на флоте порядок без суеты и спешки. А не так: трах-бабах и все готово! Квартирмейстеры и кондукторы, кстати, ближе к матросам, чем офицеры. Растить к золотым погонам им тоже никто не помешает. Но стартовать они будут с более низкой ступени. Поднимутся в общей массе тоже не высоко, но будут здоровым элементом флота. Внизу. Они вообще-то и так стартуют из гораздо более худших условий. Пока твои гаврики будут постигать азбуку и правила арифметики, в нормальных училищах – изучать языки и профильные предметы. В 17–18 лет выпускники нормальных училищ получают первый чин и приходят на флот. Твои «ушаковцы» придут в 20–21 год. Кто из одноклассников раньше начнет расти по службе? Да и вдобавок: задумайся, куда я приткну через семь лет пятьсот свежесвылупившихся мичманов из твоего училища? У меня на всем флоте, дай бог, сейчас столько служит. Корабли под них где взять? Флот не амеба, делением не размножается! Существующие кораблестроительные программы такого притока младших офицеров не предусматривают.

– А ты корпус морской пехоты не хочешь устроить? Вот тебе и новые вакансии!

– Хочу. И обязательно устрою. И не только морскую пе-

хоту, но и силы береговой обороны организую. Такие, чтоб совмещали функции пограничной стражи и заодно решали задачи ОВРа²⁵. Но только ты пойми, что все эти мероприятия проблему перепроизводства младших офицеров не решат! Твое училище имеет все шансы стать узкопрофильным. Скольких из них сможет принять флот? Человек семьдесят? Много – сто, и это с учетом прироста количества кораблей. А остальные?

Хотел я ему еще сказать, что сейчас «янычар» надо начинать готовить с более раннего возраста, но пока решил промолчать, и так первый разговор складывался не самым удачным образом. Идея была достаточно проста... Хотя ладно. Утаивать планы друг от друга дело последнее.

– Ладно... Подумаю над этим. Сам-то что предлагаешь? – насупился Николай.

– Для начала изменить правила приема в морские училища²⁶, расширить ворота для желающих. Отменить сословные ограничения для детей служивых людей. Ввести больше технических предметов. Прошерстить существующий преподавательский состав.

С лета этого года в Питере, Москве, Одессе и Архангельске необходимо открыть школы юнг. Без очереди и конкурса будем брать детей-сирот солдат, матросов, унтеров и офице-

²⁵ ОВР – охрана водного района.

²⁶ Их на тот период было в России всего два: Морское училище и Морское техническое училище.

ров. Без всяких глупостей, типа дворянских сынков не брать. Знаешь, сейчас далеко не все дворянские семьи наслаждаются хрустом французской булки. Остальные будут поступать по желанию родителей, если таковые имеются, и по возможности их приема. Набирать будем, начиная с шести лет, чтобы успеть подготовить пострелят к сдаче экзаменов в Морское училище. А вот те, кто не поступит... Извини, пойдут на флот унтерами... если, конечно, не проскочат в пехотные училища.

Данная мера даст нам фору на строительство новых учебных корпусов. В старом здании, сам понимаешь, три с половиной тысячи курсантов не разместить. Учитывая здешние темпы строительства, я надеюсь, что лет через пять новый учебный комплекс построят. Вот тогда сможешь его торжественно и красиво переименовать и взять над ним патронаж.

В новом учебном комплексе я собираюсь готовить морских офицеров всех специальностей. Строевых, артиллерийских, машинных и далее по списку, заканчивая флотскими юристами и экономистами.

– Батюшек не забудь! – добавил Николай.

– Можешь не улыбаться, специальное отделение для подготовки флотских священнослужителей я предусмотрел.

– А я и не улыбаюсь. Память Пересвета и Осляби как-то не располагает к веселью...

Я на минуту перевел дух и продолжил:

– Морское техническое училище в Кронштадте будет

упразднено. Обучающиеся и часть преподавателей войдут в состав обновленного Морского училища. Старое здание отойдет в ведение комиссии по переаттестации офицерского состава и Офицерских командно-технических классов. Этим еще только предстоит заняться. Через пару лет, надеюсь, введу правило о специальных аттестационных экзаменах на должности. Особенно на командование кораблем.

– А новые корабли кто проектировать будет? Или все сам? Своими руками?

– Почему сам? Надо, не оттягивая, открывать нормальный политехнический институт, в котором будет кораблестроительное отделение. Ускорить вопрос открытия такого учебного заведения, я думаю, нам по силам. Ники, я здесь не так давно, чтобы подготовить для тебя готовый список необходимых реформ и кадровых перестановок. Главная проблема заключается в людях, которые займут ключевые места. Вот этот вопрос я сейчас и прорабатываю.

– Хм. Ну, прорабатывай. Только не тяни резину, осматриваться можно до бесконечности. Сам знаешь, времени мало! – Он налил себе рюмку и выпил, глядя мне в глаза. – Заодно о людях... Ты ведь сам к японцам в гости намылился. Возьми-ка к себе Эссена флаг-офицером, – небрежно бросил Николай.

– А это еще зачем? – искренне удивился я такому предложению. – Адъютантов у меня и так хватает, а флагманский специалист из него никакой.

– Та-а-ак, я что-то не понял?! Может, я не по-русски говорю?! Это же Эссен!!! – Наследник подался вперед, разведя ладони на манер рыбака, показывающего, какую жирную уклейку он поймал.

– Да понял я тебя, понял. Только это не Эссен. Не тот Николай Оттович фон Эссен, который был отличным морским офицером и, к этому году окончив Морскую академию, уже успел поступить в Артиллерийский офицерский класс. Ты предлагаешь мне в адъютанты зелень подкильную, судовой жизни, в сущности, не выдавшую. Придворного шаркуна, испорченного сытой свитской жизнью и отвыкшего за четыре года от корабельного железа напрочь.

– Не кипятись, – цесаревич, кажется, немного опешил от моего напора, – не такая у меня в свите спокойная жизнь. Зажиреть он не успел, а так поучится воевать у тебя маленько.

– Наслышан, – вздохнул я и посмотрел ему в лицо, затем, не затеяв игру в гляделки, перевел взгляд на стоящий на столе письменный прибор.

Николай pokrивил губы, думая о чем-то своем, а потом продолжил:

– Не хочешь брать его на флагман, возьми командиром миноноски. Назначь его командиром «Ласточки», к примеру.

Лицо наследника престола приняло какой-то мечтательный вид. Мне показалось, что с миноноской «Ласточка» у него связаны какие-то личные воспоминания.

– Ники, а как я его тогда на Дальний Восток возьму? У миноносок проекта «Дракон» отвратительная мореходность, а дальность хода 200 миль. Своим ходом миноноска точно не дойдет, только грузом.

– Так назначь его командиром «Батума»!

– Те же яйца, только в профиль! Водоизмещение побольше, но тащить его придется все равно в разобранном виде, только с Черного моря. Да и какие задачи он будет решать? Где он себя проявит? В охране Владивостокского рейда?

– Стоп! В конце концов, флот – твоя вотчина. Лезть я в нее не собираюсь, но знаешь, по-моему, грех не использовать человека с таким блестящим потенциалом! Тебе так и так будущих адмиралов готовить, так не проще ли взять человека, про которого мы точно знаем, в кого он может вырасти, вместо кота в мешке?

В принципе он прав. Хотя... наверняка Николая Оттовича уже «попортили».

– Сейчас его стоит взять с собой вахтенным офицером на «Владимир Мономах». Оботрется в походе, спустится с небес на землю («Точнее – с земли на воду», – ввернул Николай), а дальше – посмотрим. А вообще, на будущее: если хочешь, чтобы он принес максимум пользы, поставь его на интендантскую часть. Неподкупный и толковый интендант дорогого стоит, снабжение в основном пойдет отсюда.

– Ну, ты, блин, загнул, – Ники позволил себе улыбнуться, – из честного и храброго офицера хочешь тыловую крысу

сделать.

Я перевел дух. От затянувшегося разговора пересохло в горле, но кроме спиртного на столе ничего не было. Проследив направление моего взгляда, цесаревич вытащил откуда-то снизу серебряный сифон с содовой и хрустальный бокал. Боже, храни цесаревича!

— Ладно, возьму Эссена к себе на флагман и лично займусь его обучением, — смягчился я, промочив горло. Однако было еще одно дело. — Скажи мне, «племянник», не знаешь ли ты, откуда у моего венценосного брата появилась идея официально объявить войну Японии?

— Ну, понимаешь, это вообще в духе Александра Третьего. — Николай как-то заерзал в кресле. — Он не чужд духу рыцарства и, перед тем как идти на японцев войной, обязательно должен сказать «Иду на вы».

— Видишь ли, в чем дело... Состояние войны по существующим нормам международного права здорово осложнит задачу по переброске войск во Владивосток и проводке эскадры. Уже сейчас мы начали испытывать трудности в закупке военного снаряжения и стратегически важных материалов. У одних только англичан необходимо дополнительно приобрести минимум 250 тысяч тонн кардифа. Это запас первого времени, требующий постоянного восполнения. Хотя работы уже начаты, но, пока заработают Сучанские рудники и будет отлажена дорога до Находки, еще ждать и ждать. Можно, конечно, переплачивать за кардиф перекупщикам, нам

и сейчас приходится так делать, но в дальнейшем цены будут расти достаточно быстро. Эскадра, если прижмет, примет уголь у угольщиков в море. Но лучше иметь возможность спокойно бункероваться в любом подходящем порту, не поглядывая на часы и без угрозы быть интернированным. Ладно, эскадра, но ведь со мной будут транспорты с пехотой. Махре придется тяжелее всех. Пережить полуторамесячный переход без заходов в порт не шутка и для бывалых моряков.

У меня в планах было нанести два дипломатических визита: навестить негуса в Абиссинии и короля Сиама. В Сиаме заодно было бы неплохо провести учения по высадке на необорудованный берег. Теперь все может пойти коту под хвост. Следить за строжайшим соблюдением международных правил войны на море будут наши друзья с Альбиона. И это только одна сторона вопроса.

Теперь посмотри на Дальний Восток. Привычные места зимовки в Иокогаме и Нагасаки накрылись медным тазом. Тихоокеанская эскадра и Сибирская флотилия раскиданы по частям от Находки до Чемульпо. У японцев появляется отличный шанс бить наши силы по частям, и история начала Русско-японской войны может запросто повториться. Только вместо «Варяга» и «Корейца» будут «Дмитрий Донской» и «Сивуч».

– Вот оно, значит, как... – озадачился Николай. Н-да, он явно не в курсе сложности планирования операций подобного масштаба.

– Короче, войну вообще объявлять не следует! Страна восходящего солнца проходит по разряду Папуасии, а флот там будет выполнять полицейскую миссию. Принуждать японское правительство к выдаче преступников, – рублю я. – Эту простую мысль я сам доведу до своего венценосного брата. Ну, а ты меня поддержи! В конце концов, недавно наши войска рубились на Кушке с афганцами и англичанами, и никакой войны никто никому не объявлял²⁷.

– Не объявлять войны? – Николай немного растерялся, но, подумав, сказал: – А что? Почему бы и нет? В лучших традициях двадцатого века – и не война вроде бы, небольшой военный конфликт! Или даже так: миротворческая миссия! Заметано! Сегодня же попробую поговорить об этом с *ра-ра*. – Ники кивнул и улыбнулся, доверительно наклонившись ко мне через стол. – Кстати, у меня есть план, как уязвить наших британских друзей. Они сейчас собираются прибрать к рукам португальские колонии в Африке. Немаленькие такие колонии, которые в дальнейшем могут нам пригодиться. Подопрём португальцев парой дивизий, чтобы не дали слабинку в последний момент. А потом р-р-раз!

Глаза горят, азарт так и прет. Выслушав его, я почесал ухо: – Это, разумеется, интересная идея, Ники. Об этом стоит подумать и рассмотреть возможность оказать поддержку

²⁷ Бой на Кушке – боевое столкновение, которое произошло 18 марта 1885 года, после того, как Российская армия захватила афганскую территорию к югу от реки Амударья и Мервского оазиса, у селения Пенджде.

нашей эскадрой братскому португальскому народу. На обратном пути с Тихого океана. Только вот еще о чем подумай: твой переход от берегов прекрасной Франции на родину дядюшки Сэма пришлось прикрывать силами спешно отправленной в Атлантику крейсерской эскадры. При этом пара клиперов из ее состава были боеспособны весьма условно. Они шли ремонтироваться с Тихого океана на Балтику, а ослаблять Средиземноморский отряд было не с руки. По большому счету, уже в тот момент силы нашего военно-морского флота были серьезно напряжены. В случае военного обострения с Британией, даже если англичане не запрут флот в Рижском заливе, мне будет просто нечем прикрыть транспорты с продовольствием и боеприпасами, необходимыми для нашего псевдоафриканского корпуса. На каждый наш фрегат или корвет они могут выставить эскадренный броненосец. Силами крейсерской эскадры я смогу навести шороху в Атлантике, Казнаков с Нахимовым устроят поохотать купцам в Средиземном море. Но ты главное пойми: построенный к настоящему моменту флот способен решать ограниченные задачи. Мы сможем перекрыть «лимонникам» доступ к Питеру. Мы можем бороться с английскими транспортами и купцами на океанских просторах, но вот надежно прикрыть свои транспорты или прорвать организованную ими морскую блокаду мы просто не сможем. Силы слишком неравны.

– Так что же мы тогда на японцев лезем? Ты ведь первый

за это ратовал и папá уговаривал!

– Я и сейчас продолжаю настаивать на этом. Хотя с многочисленными силами задача далеко не тривиальная. Дай мы отсрочку японцам на пару-тройку лет, и драться с ними будет гораздо сложнее. Японский императорский флот пополнится двумя-тремя современными быстроходными крейсерами, а у нас не добавится ровным счетом ничего. Даст бог, достроим «Александра II». Хотя у меня и сейчас эта помесь «Т-28» с «хрущевкой» вызывает только изжогу. Ну да ладно. С японцами вопрос решенный. Теперь вот еще что: верфи модернизировать надо. Иначе мы с кораблестроительными программами увязнем по самое не могу. Не помнишь, сколько времени «Петра Великого» клепали?

– Как же, как же. – Николай прикусил нижнюю губу. – Только переживаешь ты, по-моему, зря. Даром, что ли, я Титова в генералы произвел? Не может быть, чтобы ты не был в курсе...

– Как же, как же, – передразниваю я. Затем встаю и начинаю шагать по кабинету, разминая затекшие ноги. – Чихачев²⁸ до сих пор места себе не находит...

– Будет наезжать – быстро найдет. – Цесаревич как-то нехорошо усмехнулся. – Передай своему выдвиженцу, что мои выдвиженцы для него – табу! А чтоб ему веселее жилось – я Титова в генерал-лейтенанты произведу. За «Нахи-

²⁸ Чихачев Николай Матвеевич (1830–1917) – адмирал Российского императорского флота, генерал-адъютант, государственный деятель.

мова».

– Эй, эй, «племяшка», охолони! – После такого недвусмысленного спича я вскипел. – Мы ведь четко решили, что флот – это моя вотчина. И в нем не место чужим выдвиженцам! Да к тому же неприкасаемым! Пропустишь одного такого красавца-выдвиженца, завтра появится другой, затем третий, а потом глядь... а в морском ведомстве уже совсем другие люди распоряжаются. Титова я, конечно, уважаю, но в звании генерал-лейтенанта он отправится на... «пенсию» в МТК²⁹. А от себя лично могу добавить Петру Акиндинovichу орден «Почетного Левши 1-й степени»... на всю спину!

– Чего?! – Ники взвился из-за стола.

– Того! – отрезал я. – Когда Альбертыч вербовал меня на поход в прошлое, то это проходило под лозунгом «помочь ребятам», а не под лозунгом «поступить в распоряжение к Олегу»! Сотрудничество и помощь в деле «...спасай Россию!», а не «разрешите выполнять, тАварищ кАмандир!».

Цесаревич словно сдулся... Да, почти весь разговор Николай пытался, вербально и невербально подавить меня. И смотрелось это довольно комично. Просто мой «брат-засланец» временами забывает, что он сейчас не солидный сорокалетний мужик, а молодой пацан. Да и я не нервная институтка! Отправиться в полное подчинение к «шапочному знакомому», о котором известно, что он отличный боец и артиллерист-самоучка, далеко не в моем духе. Тем более зара-

²⁹ Морской технический комитет.

нее известно, что во флотских делах Олег смыслит немного.

– Слушай, Ники, и слушай внимательно! – Я сбавил обороты. – Чихачев – это не мой выдвиженец, и не выдвиженец генерал-адмирала, а человек, занявший место по праву! По меньшей мере, я знаю, что от него ожидать, и оставляю на него Морское ведомство на время своего отсутствия, дав достаточно недвусмысленные инструкции. По реалу Чихачев послал бы генерал-адмирала вместе с его инструктажем в пешеходно-эротический тур и решал бы дела напрямую с царем... Но старик был очень удивлен тем, что я забодал Шестакова. Это должно было навести его на определенные мысли... Центры власти-влияния меняются. Так что... не трогай Николая Матвеевича! Не надо!

– Хорошо... – Ники кивнул и вдруг улыбнулся. – Эх ты меня, мордой об стол... Да, блин, забываться стал, совсем тут уже адаптировался... Кстати, а как ты свалил Шестакова?

– Пришлось воспользоваться кое-какими познаниями истории. Он порядком накосячил при строительстве минных крейсеров. Вдобавок, как оказалось, он контролировал серьезный пакет акций франко-русского анонимного общества, того самого, которому в обход Балтийского завода передали заказ на строительство «Николая Первого». Я подготовил папочку с материалом и дал ее на ознакомление Шестакову. А когда он проникся, предложил написать рапорт на увольнение по состоянию здоровья. Вот и все.

– Мексиканские страсти! – Ники побарабанил пальцами по столешнице. – Но все-таки – Титов – отличный мужик!

– Да я разве с этим спору? – улыбнулся я. – Петр Акиндинович, про которого до сих пор по углам шепчутся, что он «для вразумительности слово «инженер» пишет с двумя ятями», талант, трудяга, каких поискать, но... но давать ему генерал-лейтенанта!...

– Ладно, ладно, брейк... – примирительно сказал Николай. – Пускай Титов в том же звании остается. Давай по существу: я хочу поручить Петру Акиндиновичу переоборудование балтийских верфей, а в помощники выделить Самойлова³⁰. Всемерно помогать, в средствах не отказывать!

– Титову, значит? Самойлову, значит? Эт-то ты ловко придумал, эт-то здорово! Стало быть, лучшие корабли будут верфями заниматься, а корабли, надо полагать, ты своих атаманцев строить отправишь?

– Блин, ну не заводись по новой! – Николай примирительно махнул рукой. – Ты-то что предлагаешь?

– Димке поручить...

– Кому?! – На лице Ники было написано неподдельное изумление. – Мало Димычу дел в своем Стальграде? Значит, бросай все – занимайся флотом? А армию перевооружать, технологии развивать, технические новинки внедрять – само собой пойдет? Или дядя за нас делать будет?

³⁰ **Самойлов Николай Александрович** (1842-1918) – инженер-кораблестроитель, полковник.

На каламбур он не обратил никакого внимания, что было совсем плохим знаком...

– Постой, постой, «племяшка», не кипятись...

– Кой черт «не кипятись»? Ты трезво на вещи смотри. Или тело не умеет?..

– Дык я и смотрю трезво. Суди сам: Стальград у Димки работает, не как часы, разумеется, но работает. Он уже успел подготовить неглупых управляющих, на заводах – грамотные инженеры, толковые мастера – короче, Стальград может какое-то время проработать и без вмешательства отца-основателя. Зато на верфях он нужен как воздух! Во-первых, нужно объединить все казенные верфи, создать этакий государственный холдинг, во-вторых – провести логичное, экономически оправданное техническое перевооружение. Одних эллингов минимум пять штук потребно строить, стапели постоянные, новые механические мастерские и много еще что. И если на это дело поставить местного, пускай даже семи пядей во лбу, то он, может быть, дело и не завалит, но денюжек потратит гораздо больше. А казна-то не бездонная! Средства крайне ограничены, почти в обрез. Нету там столько, сколько нам потребно!

– Не нам, а вам, – голосом Вицина прокомментировал Николай.

Я пропустил мимо ушей эту подначку и продолжил:

– Так вот. Первая и главная задача – турнуть в шею франко-русское общество с Галерного островка.

Немцев своих напряги, пускай станки дают! Хотя, я проверял, лучшие станки сейчас у Рукавишникова и американцев. И еще – я слышал, ты с Круппом на дружеской ноге? А у него много чего можно взять – в частности, точную механику для башен, оптику, затворы! Не все же самым разрабатывать! В этом вопросе Димка далеко не продвинулся. И на верфях Шихау тебя вроде как родного принимали? Вот и давай, тяни с них все, что можно. А франко-русское общество Димыч взащей вышибет, денег больше подкинет – и в дамках...

– Да чего там вышибать – просто прекращаем аренду. Завод обратно в казну. Формальный повод: французы не провели обусловленную договором модернизацию станочного парка. Политический повод: в январе этого года на французских верфях заложены две «Симы»³¹, – включился в обсуждение Николай. – Лягушатников я возьму на себя. Ох, Серега, ты ж меня без ножа режешь, капитан Кидд чертов!.. Да, а с казенными верфями что станем делать? Прикинь, это ж мне, Димку в правительство вводить! Чин ему – не ниже действительного статского, министра отстроить, чтобы не приставал... В натуре, с той поры, как «папенька» пить бросил, я на такие авантюры не подписываюсь! Повлиять на него я, конечно, попробую, но... сам же знаешь, как он к податным сословиям относится...

³¹ Бронепалубные крейсера «Ицукусима» и «Мацусима», фирма-строитель: «Форж и Шантье», Ла-Сейн (Франция).

– Зашибись относится... – усмехнулся я. – Например, есть такой крендель Вышнеградский – министр финансов, по сути, премьер...

– Н-да... это я погорячился! – рассмеялся Николай. – Уел, старый черт, уел! Но ты не забыл – а на хрена Димычу весь этот геморрой с точки зрения бизнеса? Это же бред полный! Провести строительство новых крытых эллингов, мартенов, перестроить цеха, поменять станочный парк – и это все за свой счет!!! А потом отдать в казну? Не наварив бабла путем постройки броненосцев и дредноутов? А если он захочет отбить вложения, то завязнет там лет на «дцать» и по самое не балуйся! Или разорится на хрен на таком «меценатстве». Оно ему надо?

– Нам это надо! Государству это надо! Лучший вариант – поставить Димку наемным управляющим на время перестройки... Вся модернизация и «капиталка» – за счет казны.

– Толково... – Кажется, Николай все-таки проникся идеей.

– А вот в помощь Димке и дадим твоего любимца, да и я еще добавлю...

– Эх, ладно! – Ники махнул рукой. – Батюшка, конечно, рвать и метать будет, но Димке я генеральство вырву. Надо будет – с кровью, но без чина ему никак...

– Генеральство – это хорошо! Только на какую должность ты его хочешь посадить?

– А вот это ты сам и придумывай, твое ведь ведомство,

как ты говоришь! Так что жду теперь от тебя плана модернизации и должностных назначений. Пробивать проект через «отца» буду сам. Уже наслышан о ваших баталиях местного значения.

Можно немного расслабиться. Верфями и заводами морского ведомства займется единственный человек, которому это по силам.

Я улыбнулся и, откинувшись в кресле, положил ногу на ногу.

– Наливай! – Эх, печень моя, печень...

Рассказывает Дмитрий Политов

(Александр Рукавишников)

Цесаревич прогулял-прогостил у меня целых пять дней, вызвав жуткую ажитацию среди местной публики и глубочайшее удивление среди своих соратников. Первые никак не могли понять, чем наследник российского престола так заинтересовался. Но в целом склонялись к мысли, что цесаревич изучает придуманные мной технические новинки. И отчасти они были правы. Соратники же просто терялись в догадках, почему их патрон вдруг проникся столь глубокими дружескими чувствами к совершенно незнакомому человеку.

Но все хорошее когда-нибудь проходит. Вот и нас растащили опомнившиеся царедворцы, скромно напомнив Николаю, что в России кроме Нижнего Новгорода существуют и другие города, требующие посещения.

Расстались мы довольно легко — потому как планировали встретиться в Питере уже через неделю. Мне надо было уладить множество дел, а Ники — посетить Владимир и Москву. А запланировали мы общее собрание всех «вселенцев», чтобы познакомиться лично и обсудить глобальные стратегические планы и наши роли в них.

Питер встретил меня и Горегляда промозглой оттепелью, больше подходящей ноябрю, а не январю. По всему марш-

руту следования от Нижнего до столицы трещали двадцатиградусные морозы, а здесь хлюпал под ногами жидкий снег. Афанасий первый раз был в Санкт-Петербурге. Причем вообще первый раз – в прошлой жизни он тоже не посещал этот город. А я уже много раз бывал здесь по коммерческим делам и с удовольствием показал Горегляду местные достопримечательности, благо располагались они достаточно компактно.

А вечером мы пошли на жутко конспиративную встречу с коллегами-внедренцами. Первоначально она планировалась в недавно открытом, еще и года не прошло, но уже ставшем модным среди высокопоставленных персон ресторане «Subat». Но потом старики-разбойники, Петрович с Альбертычем, решили поиграть в штирлицев и, из соображений секретности, перенесли «тайную вечерю» во дворец великого князя Алексея, находящийся на набережной Мойки. Ну, может, и к лучшему. Потому как я уже посещал тот французский ресторан в один из прошлых визитов, и мне там не очень понравилось из-за кричащей помпезности и высокомерных гостей. Да и французская кухня мне, в большинстве своем, «не шла».

Для входа на территорию дворца нам были назначены не парадные двери, а парковые ворота. Перед калиткой топтался бородатый привратник, который, поинтересовавшись нашими именами, передал нас стоящему на подхвате атаманцу. Внешнее кольцо охраны состояло из людей генерал-адмира-

ла, а внутреннее – из свиты цесаревича. Атаманец, хоть и видел меня в Нижнем Новгороде, спросил пароль. Я сказал – все тот же, про славянский шкаф. Старательно проговорив отзыв про кровать и тумбочку, казак проводил нас в отдельно стоящее посреди парка строение, то ли оранжерею, то ли зимний сад. В обширном застекленном помещении можно было смело устраивать среди фикусов (а может, рододендронов, я не специалист по ботанике) маневры пехотной роты. Но в данный момент там находилось всего три человека. Все они топтались у длинного стола с выпивкой и закуской. Двоих из них я уже знал – великий князь Павел, реципиент Григория Романова и корнет лейб-гвардии гусарского полка фон Шенк, реципиент Дорофеева. А вот третий человек, высокий сутуловатый мужчина лет тридцати пяти, в мундире пехотного капитана, был мне незнаком.

Шенк, увидев нас, радостно заржал, Павел вежливо улыбнулся, а капитан смотрел точно на меня и молчал. И взгляд его был... выжидательным, что ли. Догадка молнией пронеслась в моей голове. Неужели?..

– Деда? – робко спросил я.

Шенк, зараза, заржал еще громче, а капитан шагнул ко мне и крепко обнял.

– Узнал, пострел, узнал... – тиская меня в объятиях, бормотал прямо в ухо мой дед.

Меня даже на слезу пробило, так я обрадовался. Горегляд и Романов тактично отошли в сторону, обмениваясь руко-

пожатием и формальными приветствиями, рядом балагурил чертов Шенк, а мы с дедом просто стояли и смотрели друг на друга, просто стараясь... узнать? Нет! Скорее заново запомнить... Несколько затянувшуюся сцену встречи прервало появление Николая и высокого бородатого мужика в адмиральском мундире. Если это Сережка Платов в теле великого князя Алексея, то семь пудов мяса августейшая особа еще не нагуляла, остановившись пока на пяти. А такой вес, в сочетании с гвардейским росточком в 185 сантиметров, делал фигуру адмирала скорее худой.

– А вот и мы! – громогласно крикнул с порога Николай. – Здорово, современники!

– И тебе не хворать, – тихо сказал дед. – Это что же ты тут устроил, твое высочество?

– В смысле? – оторопел Ники.

– Тебе, понимаешь, страну доверили, а ты... – дед откровенно прикалывался, и Ники все-таки понял это.

– Э-э-э... Владимир Альбертыч, если не ошибаюсь? – улыбнувшись, спросил мой друг.

– Он самый, Олежек, он самый! – тоже улыбнувшись, кивнул дед. – Ну, ладно, раз уж все в сборе, давайте быстренько представим друг другу незнакомцев – и к столу!

Мы обменялись приветствиями и рукопожатиями с Николаем и Алексеем и, наконец, шумно расселись за стол.

Альбертыч, негласно взявший на себя обязанности ведущего вечера, жестом предложил разливать. Проигнорировав

стоящее в серебряных ведерках шампанское, мы накатили из винных фужеров по «стописят» коньяку, причем Шенк-Дорофеев немедленно отпустил свою дежурную шутку, что «между первой и второй». Мы накатили еще грамм по сто, закусили и... наконец-то расслабились, почувствовав себя среди своих. Шенк даже начал рассказывать какой-то местный анекдот, но по ходу понял, что люди из ХХI века его не оценят, и замолчал. Дед виртуозно воспользовался паузой и предложил старожилам кратенько доложить об успехах за три с половиной прошедших года.

Первым встал со своего места я. Мне было чем похвастаться перед коллегами. Все-таки не шутка – за короткое время создать на пустом месте металлургический комбинат. Сейчас Стальград был лидером России по выпуску подшипников, колесных пар для вагонов, кровельного железа, рельсов, металлопроката, стальных труб, судовых паровых машин. А сельскохозяйственным агрегатам, вроде сеялок и жаток, вообще не было аналогов в нашей стране. Такая же ситуация была с производством, хоть пока и небольшим, оптического стекла. А выпускаемым нами двигателям внутреннего сгорания, металлообрабатывающим станкам с электроприводом, пневматическим шинам для конных колясок и велосипедов не было аналогов в мире!

Кроме еще не пошедшего в серию автомобиля на заводе выпускали четыре вида конных экипажей: от ландо и фаэтона до коляски-тачанки. Три типа велосипедов, два город-

ских – мужской и дамский, и особо крепкий – для бездорожья.

Швейные машинки с ножным и ручным приводом, арифмометры, пишущие машинки, механические замки, врезные и навесные, керосиновые и карбидные лампы, примусы. Гвозди, болты, винты, шурупы, гайки – мы продавали эти изделия уже не сотнями, а тысячами тонн! В срочном порядке пришлось вводить стандартизацию – теперь гвозди шли 24 типоразмеров, а для винтовых изделий взяли метрическую систему. Огромным спросом пользовались лезвия кос и лемехи для плугов, которые мы делали из высокоуглеродистой стали.

Инструмент: кирки, мотыги, лопаты, грабли, вилы, топоры, ножи, пилы. Тележные оси, обручи для бочек, стальные шины для тележных колес, цепи, стальные тросы, крюки и шкивы разных размеров. Стремена, мундштуки, удила, подковы. Наборы алюминиевой посуды, чайники, кастрюли, ложки, вилки. Ведра, металлические бочки, тазы, корыта.

И совсем мелочовка: канцелярские кнопки и скрепки, швейные иглы, дверные петли и щеколды, наперстки, ножницы. И самое модное: раскладные зонтики-автоматы, часы-будильники, бензиновые зажигалки. Охотничьи ножи, раскладные лопатки, мачете, бинокли, подзорные трубы. И ставшие очень популярными у модников застёжки-молнии.

Электрические товары: лампочки, патроны, изолированные провода, выключатели, распределители, дверные звонки.

Люстры, бра, настольные светильники. Генераторы до 100 кВт под паровой и бензиновый привод – в мелкосерийном производстве. Аккумуляторы автомобильные 12 В, весом 1 пуд, емкостью 20 а/ч – в мелкосерийном производстве, в основном для внутренних нужд и комплектации авто- и промышленной техники.

Предметы личной гигиены: зубные щетки, мыло «с запахом» в ассортименте, шампуни. Дешевые духи и одеколоны, вроде «Красной Москвы» и «Шипра» с «Тройным».

Ну и, конечно, предметы моей особой гордости – магазинные винтовки и револьверы. И только-только сконструированные пулеметы и самозарядные карабины.

В финале своего доклада я, промочив пересохшее горло сельтерской водой, с удовольствием рассказал о главном достижении: начале выпуска автомобилей. Их пока было немного: легковых всего восемь штук, из них два лабораторно-полигонных, три представительских, с улучшенной отделкой салона, подготовленных к отправке в Петербург для нужд цесаревича и великих князей Алексея и Павла (хорошая реклама!), один мой личный и два для «братьев» Ивана и Михаила. Автомобили грузовые, сходные по характеристикам с «АМО-Ф-15», только помощнее и с более удобной металлической кабиной – две штуки, оба на полигоне. Еще были колесные тракторы, но они пока дорабатывались. Так же как и гусеничное шасси.

Шенк вскочил и стал, зараза такая, аплодировать, выкри-

кивая «Браво!» и «Бис!».

– Петрович! Прекрати! – прошипел дед.

Шенк, горделиво демонстрируя выполненный долг, сел на место и стал картинно обмахиваться платочком.

– А про автомобиль поподробнее можно? – подал голос великий князь Павел. – Как далеко он ушел от телеги?

– Ну, до «Лексуса» нашей машинке еще далеко! – усмехнулся я. – Внешне наши «Жигули» «уазик» напоминают. Кузов сварной, на кованой раме. Продольные рессоры. Тормоза гидравлические барабанные. Подвеска шкворневая. Колесные диски стальные, штампованные. Покрышки пневматические. Цвет черный... Салон кожаный...

– И сверху синяя мигалка! – Шенк опять начал ржать.

– А двигатель? – спросил Алексей.

– Внутреннего сгорания, четырехцилиндровый. Рабочий объем 1600 кубиков. Блок чугунный, головка блока алюминиевая. С верхним расположением распредвала и клапанов...

– То есть топливо идет не самотеком? – уточнил Алексей.

– Абыжаешь, начальник! Бензонасос с приводом от распредвала. Карбюратор. Зажигание электрическое. Свечами. Распределитель зажигания механический. Что еще?..

– Какая мощность? – снова Алексей.

– Первоначально планировалась 50 лошадок... Но из-за несовершенства технологического процесса – на выходе получилось всего 35, – признался я. – Но и это по нынешним

временам круто!

— А выпускаемое количество? — дотошно продолжал спрашивать Алексей.

— К сожалению, всего 15–20 штук в месяц, — вздохнул я. — Хотя рассчитывали на 50–70... Даже у самых лучших и опытных рабочих, лично отобранных главным инженером завода Даймлером, не хватает технической культуры. Разбили производственный цикл на множество мелких операций, запустили конвейер... один хрен не помогает!

— Ну, хоть что-то! — утешил Николай. — Лучше ведь, чем вообще ничего!

— Еще вопрос! — не унимается Алексей. — На тебя, я слышал, Попов с Герцем работают — как у них успехи?

О, это была моя больная мозоль! Эти гении за два с лишним года так и не смогли довести свои многочисленные подделки до уровня хотя бы нормального функционирующего прототипа радиостанции. У меня порой складывалось ощущение, что таланты в сытости и неге не действуют. Я в шутку даже подумывал посадить их на цепь, хлеб и воду...

— Боюсь, Серег, ох, тля... Алексей, что в этой области мне тебя порадовать нечем. Отдельные успехи есть, но они никак не хотят перерасти в что-то глобальное. Когерер я им подсказал, до антенны они сами додумались, но вот дальность пока не превышает 200 метров. Так что... Считай, что радиосвязи у нас пока нет.

Лицо адмирала приняло выражение, словно у него одно-

временно заболели все зубы и вдобавок прихватило сердце:

– Придется мне объявлять открытый конкурс на средства внутриэскадренной связи!

Я уныло кивнул. Ну что ж...

– Еще вопросы к докладчику есть? Нет? Тогда подводим итоги! В общем – результаты удовлетворительные! – в устах Альбертыча это была настоящая похвала. – Нужна ли тебе помощь? В чем-либо испытываешь нужду?

– В принципе – все очень и очень неплохо! – поспешил я успокоить собравшихся. Но, подумав пару секунд, добавил: – Вот только... Испытываю недостаток квалифицированных кадров и свободного капитала.

– Ну, с первым мы ничего поделать не можем... – оглядываясь на соратников, начал дед. – Или можем?

– Будь сейчас петровские времена, я бы отдал тебе в кормление десяток деревушек со всеми сопутствующими душами! – вставил Николай. – Но... увы...

– Значит, не можем! – констатировал Альбертыч. – А вот со второй проблемой... Товарищи великие князья, у каждого из вас есть приличное состояние. Помогите коллеге-вселенцу – поделитесь денюжкой. Естественно, на паях...

Товарищи великие князья синхронно кивнули.

– Вот и ладушки, – тоже кивнул Альбертыч. – На трибуну вызывается второй докладчик.

Николай встал со стула. Он выглядел несколько смущенно – на фоне моих достижений его деяния выглядели доста-

точно бледно. Поэтому, усмехнувшись, цесаревич попросил высокое собрание быть к нему снисходительным и не выносить очень уж строгий приговор, ибо он до последнего момента не знал с достаточной точностью, что вообще находится в реальном мире, а не в какой-нибудь виртуальной реальности. Но старался, как мог, в меру своих слабых сил и возможностей. И главным своим достижением считает налаживание дружеских отношений между Россией и Германией.

Шенк не преминул отпустить реплику, комментирующую сущность этих отношений:

– Да дружим мы с ними... телами... – Но тут же прикусил язык и даже хлопнул себя ладонью по рту. – Мужики, простите, не хотел скабрзностей, но оно как-то само из меня прет... гусарство это.

– Илюх! Тьфу... Володь, бляха... уймись! – негромко сказал Альбертыч. – Если ты с гормонами справиться не можешь, сходи к врачу, пусть он тебе галаперидол пропишет. Или чем тут сейчас общее возбуждение организма лечат?

– Стрихнином! – уверенно сказал я. – Без шуток! В аптеках продается как успокоительное общего действия.

Шенк крикнул и густо покраснел. Что-то действительно у него с гормонами не то. Но так телом-то он у нас самый молодой. Не считая цесаревича.

– Извините, ваше императорское высочество, мы вас прервали, – кивнул стоящему Николаю дед, – продолжайте, пожалуйста!

Тут уж смутился цесаревич.

– Альбертыч! Ты... Вы... это... чего так официально? Высочеством?

– Для тренировки, Олежек, для тренировки! – усмехнулся дед. – А то назовемся при чужих *подлинными* именами и спалимся на фиг, а назад у нас теперь дороги нет!

– Как нет? – возмущился генерал-адмирал. – Мне что же это теперь, всю оставшуюся жизнь в теле алкоголика жить? С больной печенью? И коньяк только нюхать?

– А я тебе, Сережа, ох, прости, твое высочество князь Алексей, легкой жизни и не обещал! – отбрил дед. – Мы, коллеги, здесь как камикадзе все! С билетом в один конец! Если мы в этом веке новую жизнь не построим, то плохо будет всем! Не получится так, чтобы напортачить, а потом обратно в XXI век смыться! Это, коллеги, всех касается! Работаем до победного конца! Машинка эта, посредством которой мы все сюда попали, мною уничтожена!

– Зачем? – вырвалось у Алексея.

– А затем, чтобы никто *оттуда*, – взмах рукой в неопределенном направлении, – ни ребятки из будущего, ни свои же земляки-современники, не смог вытащить нас назад и прервать операцию!

И дед обвел всех сидящих пронзительным взглядом. Эх, все-таки орел он у меня!

– Это есть наш последний и решительный бой... – тихонько пропел князь Павел.

– Да, товарищи, да! Именно последний и решительный! – резко вскинулся Горегляд. – Впрочем, для большинства из нас текущая ситуация – еще один шанс, причем последний, так как люди мы там были уже немолодые, послужить нашей Родине, которая для нас не пустой звук!

– Для нас, кстати, тоже! – подал голос Алексей. Я и Николай согласно кивнули.

– Ну и отлично! Значит, работать будем не за страх, а за совесть! – резюмировал дед. – Тем более что даже при наличии прибора возвращаться нам всем все равно некуда – наших тел в будущем уже нет. Кроме Горегляда и Романова. Свое я сам... вместе с мнемотранслятором. А ваши... Думаю, что Илья... тьфу... Владимир уже рассказал о налете на клинику инновременного спецназа?

– Мне эту историю Димыч рассказал, так что я в курсе! – кивнул Николай. – Это верно, что мое тело уже тогда?..

– Верно! – подтвердил дед. – Но, поскольку я отправил Илюху сюда сразу после взрыва, еще одной подробности мой друг не узнал. Буквально через полчаса после бесславного окончания атаки, когда наши спецы из ГРУ только начали идентификацию уцелевших во время перестрелки и захвата налетчиков и подсчет трофеев, на клинику упал самолет с полными баками топлива...

– Бля-а-а... – выдохнули мы все чуть ли не хором.

– Н-да, серьезные ребята против нас работают, – покачал головой Шенк, – жесткие!

– Я словно жопой что-то почуюл – взял мнемо-транслятор и ходу оттуда, – пояснил дед. – Едва на три квартала отъехал...

– Ну, братцы, – поднялся из-за стола Николай, – третий тост...

Мы встали и молча выпили.

– Слушай, дед, – обратился я к Альбертычу, когда все расселись по местам и закинули в рот что-то из закуски. – Петрович говорил, что этих иновременцев до хрена было. Так как же вы отбились?

– Да слабаки они против нас, Димка, просто слабаки! – махнул рукой дед. – Вот никогда не уничижал противника, но здесь просто факты налицо! Их ведь полтора десятка против нас двоих было...

– Да и то я весь бой в палате при тушках просидел, – вставил Шенк.

– Ага... И чтобы полтора десятка бойцов не прошли через одного? – продолжил дед. – Им и надо-то было – прижать меня огнем да скопом навалиться. Но для этого надо было из-за угла коридора выскочить, а у них явно кишка тонка была. Я там троих положил, так они и зассали... Похоже, не рассчитывали, что пули из «калаша» пробьют их доспехи. А доспехи у них прямо как у «Робокопа» были, чудовые... Ну и потеряли время, в обход пошли... А тут и наши подоспели!

– Почти аналогичная ситуация была, когда мы Фалина с напарником брали, – сказал Шенк. – Практически захват со-

рвался – ведь планировали их на этаже с двух сторон зажать. Лестниц там две. Всего нас пятеро было. Один внизу, в холле остался, а две пары должны были с разных сторон зайти. Мы с Альбертычем по левой лестнице поднимались, и Фалин с тем вторым прямо на нас вышли. Успели, стало быть, все свои делишки переделать и уже когти рвали. Так что бой был встречным...

Дед, что-то вспомнив, рассмеялся. Шенк покосился на друга, но продолжил:

– Фалин-то сразу затрясся весь, к стенке прижался и глазами лупает. А вот второй, как потом Фалин объяснил – какой-то спецпредставитель из ООН, настоящий аглицкий лорд, большая шишка, так он в экзотическую боевую стойку встал! Умора – «Парящий журавль» и «Крадущийся тигр» в одном флаконе... Так я ему от души в челюсть врезал, а когда он поплыл – еще пару раз, вдогонку! Старость-то не радость – силы были уже не те, но этой шишке и того хватило! Он с копыт, хотя здоровый такой лось, на нем пни корчевать можно, да мимо меня по лестнице вниз скатился. Я уж хотел спуститься, да с ноги ему добавить, но он шустро вскочил и деру! А товарищу нашему, что в холле караулил, уже за семьдесят перевалило – перехватить этого тюленя пехотного он не смог. Ну, тот и сбежал...

– Так это ты ему, оказывается, так в челюсть бил? – усмехнувшись, сказал Альбертыч. – А я подумал, что это Петрович, как институтка, пощечины отвешивает? Да... погоря-

чилились мы тогда, переоценили свои силы – не струсь этот бугай, да не будь Леонид уже почти готовым к сотрудничеству... Как бы еще этот так называемый «захват» закончился? Так что... коллеги, давайте помянем добрым словом магистра Фалина, человека из XXIII века, благодаря амбициям или благим намерениям которого нам и выпал шанс хоть как-то повлиять на историю, – добавил Альбертыч. – Он погиб в Японии, прикрыв собой Николая.

Все молча выпили.

– Владимир Альбертыч, вы же наверняка следили и за мной, и за Фалиным... так что же произошло в Японии на самом деле? – спросил Николай, когда все снова уселись за стол. – А то я, честно говоря, так и не понял – если это *наши* японцы, то на хрена им? А если засланные – то почему я до сих пор жив?

– Напали на тебя засланцы – это совершенно точно! – задумчиво ответил дед. – Я самым внимательным образом несколько раз просмотрел запись покушения. И твоими глазами, и глазами Фалина. И, несмотря на детсадовский уровень организации нападения, спасла тебя случайность! Ты, в нарушение протокола, не сел в карету с какой-то местной шишкой. Там сидел казак-атаманец из твоего конвоя. Вот с ним тебя и перепутали, видно, лицом он на тебя чем-то похож был. Или они только на местного начальника ориентировались. В общем, покушение готовили явные дилетанты. Очень жаль, что вы позволили покончить с собой тому

придурку. Надо было его хватать – и на корабль. А потом поспрашивать с пристрастием. А ты в благородство сыграть вздумал.

– Но я же... – начал Николай.

– Ладно, проехали! – прервал его дед. – Продолжаем докладную часть нашего съезда... Павел Александрович, ваша очередь!

«Романов-два-в-одном» с достоинством встает и, открыв тисненый золотом шевроный бювар, начинает доклад о потребностях проекта Транссибирской магистрали. Акционерное общество уже создано. Из частных предпринимателей в него вошли только наиболее честные (есть и такие!) купцы и промышленники. Романов вскользь упоминает, что среди потенциальных инвесторов проводился специальный конкурс – желающих погреть лапки на столь грандиозном госзаказе было хоть отбавляй. Но всесторонний отбор прошли только двадцать восемь юридических лиц. Естественно, что одним из пайщиков, причем не самым крупным, был Александр Рукавишников. Но, несмотря на строгий фильтр, блокирующий пакет акций остался за государством, и председателем был назначен цесаревич Николай, а исполнительным директором великий князь Павел Александрович.

В настоящий момент проект дороги проходил стадию технического согласования. По предполагаемому маршруту трассы высланы геодезические партии и горные инженеры.

– А почему бы нам сейчас не начать строительство Транс-

сиба по северному маршруту? – предложил я. – Пока все еще на стадии проектирования. Это более выгодно в стратегическом смысле, невзирая на несколько большие расходы. А то ведь негоже строить магистраль под самым носом у потенциального противника.

– Ты, Дим, уж извини, какого противника считаешь потенциальным в том регионе? – хмыкнул Алексей. – Если Китай, то он сейчас никто и звать его никак, и в таком положении он будет пребывать еще долгое время. Тем более присоединение Маньчжурии просто автоматом требует постройки дороги именно в том регионе, а не за Байкалом.

– Ну как же... Во-первых, железная дорога строится не на один год, а за это время Китай вполне может подняться, как это и случилось в наше время. А когда это произойдет, передвигать дорогу будет поздно. А во-вторых, «Северное направление» более полезно для освоения Сибири! А Маньчжурия... нужна ли нам она?

– А кто сказал, что мы будем присоединять только Маньчжурию? Там еще Монголии разные есть – прекрасная местность... и население для формирования иррегулярных войск! – улыбнулся Николай.

– Да на хрена?! – возмутился я. – Нам бы уже завоеванное переварить...

– Пойми, Димыч: с присоединением Маньчжурии, а у нас сейчас есть все возможности ее так присоединить, граница будет проходить гора-а-аз-до дальше! – сказал Николай. –

Да враги просто замаются переть к нашей железке через набитые разными хунхузами степи! К тому же Маньчжурия нужна в качестве продовольственной базы Дальнего Востока. Как Казахстан для Сибири.

– Собственно, японцам она же нужна по тем же причинам! – вставил Алексей.

– Плюс к тому: присоединение Маньчжурии вызовет сильный общественно-экономический резонанс – ибо Россия на протяжении всей своей истории развивалась именно территориально! – с воодушевлением продолжил Николай.

– Ты ведь, Дим, я так понимаю, по сути, нам БАМ строить предлагаешь? – решил уточнить дед. Я кивнул, а Альбертыч продолжил: – Так ведь в твоём варианте трасса мимо Иркутска пройдет, а это один из крупнейших городов Сибири!

– А что Иркутск? – упорствую я. – К Иркутску проведем боковую ветку. Это по-любому выйдет дешевле, нежели строить Кругобайкальский отрезок!

– Да вы, молодой человек, хоть представляете все трудности строительства БАМа? – вмешивается Павел. – Практически на всем протяжении трассы гористая местность. Семь горных хребтов! Становое нагорье! В реальности там пришлось восемь тоннелей прокладывать! И самый большой из них – Северомуйский, протяженностью пятнадцать километров! А вечная мерзлота?

– Откуда там вечная мерзлота? Это же на широте Киева? – ляпнул я.

Павел Александрович посмотрел на меня, как учитель на глупого и нерадивого ученика. Но промолчал.

– Понимаешь, Дим, если смотреть на карту распространения вечной мерзлоты, то подверженные ей районы как бы смещаются по диагонали с северо-запада на юго-восток, – просветил меня дед. – И если в Томске этой беды почти нет, то в Тынде и Благовещенске я в свое время много отзывов об этой самой мерзоте слышал. Матерных в основном...

– Но ведь как-то в реале при прокладке БАМа боролись с мерзлотой? – уже чувствуя, что проиграл и мое предложение не катит, поинтересовался я.

– Если мне не изменяет память... – начал Павел Александрович, – то основной способ – это насыпь. Обеспечивающая теплоизоляцию грунта. Но иногда приходилось изгальтаться... Кстати, в сравнении с трудностями «Кругобайкалки» полезно посмотреть на тот же Северомуйский тоннель. 27 лет строили... Шлюзовые ворота и климат-контроль по всему 15-километровому протяжению... Подумаешь так, подумаешь... и махнешь рукой! Через Байкал паромами мороки меньше получается! Да и, наконец, южный вариант просто дешевле...

– Но ведь БАМ реально короче! И от границы дальше! – не удержался я. – Да нагнать каторжников – они этот Северомуйский тоннель за пару лет прокопают! Ах да!!! Чуть не забыл – у нас ведь маленькая победоносная война на носу, а после нее нам ведь надо куда-то пленных японцев девать!

Вот они пускай и копают!

При упоминании о маленькой победоносной вой не генерал-адмирал криво усмехнулся:

– Пословицу знаешь? Не хвались, идучи на рать...

– Молодой человек! Не забывайте, что БАМ строился при несопоставимом с Транссибом уровне механизации – сейчас ничего такого просто нет! – снова принялся вещать Павел. – Еще и поэтому южная трасса предпочтительней!

– Я как представляю себе: сто тысяч мужиков с кирками и лопатами посреди забайкальской тайги десять лет колупаются... – закатил глаза Шенк. – А природная среда, ешкин дрын, там еще та... Как бы словосочетание «забайкальский комсомолец» не появилось на свет раньше графика...

– Ну, если прения по второстепенному вопросу закончены, я, с вашего позволения, продолжу? – обвел всех взглядом Павел.

Мы дружно киваем, и Павел снова берет в руки папку. Цифры сыплются, как из рога изобилия. Потребно, необходимо, должно быть обеспечено...

– Отлично, Павел Александрович, просто отлично! – похвалил дед. Шенк снова хотел заплодировать, но передумал. – Давайте-ка, братцы, накатим по маленькой, за успех этого грандиозного проекта!

Народ зашевелился, стал разливать по рюмкам коньяк и накладывать на тарелки закуски. Только Алексей продолжал сидеть мрачнее тучи. От выпивки он отказался. Да и вообще

игнорировал все попытки его расшевелить. Видя тщетность своих усилий, Альбертыч решил перегнуть палку в другую сторону и предоставил адмиралу слово для доклада.

Алексей встал, потом снова сел на место. Бездумно покрутил в пальцах пустую рюмку. Похоже, что нерадостные, на общем фоне, мысли его терзают.

– Млять!!! Война на носу, а такое ощущение, что все всем по херу! – неожиданно заявил адмирал. Все удивленно установились на докладчика, а Алексей, постепенно заводясь, продолжил: – Мне одному воевать прикажете?! Я и так в одиночку тащу на себе вагон штабной работы и планирования этой войны! Сонное болото... Млять... Согласование на согласовании... Саша, брат, помоги!!! Император, тля, всероссийский...

– Да ты что, Сереж?! – вытаращился на адмирала дед. – Что с тобой? Вон, выпей коньячку, хоть и нельзя, успокойся!

– Вот только не надо, Владим Альбертыч, меня как нервную институтку успокаивать! – хмуро ответил Алексей. – У меня вовсе не истерика, как вы подумали, а просто зло накопилось!

– Ну, так поделись с коллегами своей проблемой! – посоветовал Шенк. – Вместе, глядишь, и решим!

– Да если бы проблема была всего одна! – вздохнул Алексей. – Я же тут кручусь как белка в колесе! Генерал-адмирал хоть и первый под шпием... но среди равных. Палки в колеса со стороны чинов Морведа и особенно от «автори-

тетнейших и опытнейших наших адмиралов» суются постоянно. А зачистка «ненужных» не проведена. Причем времени totally не хватает. Все сам! И поручить толком некому. Косячат с... Команды у меня за четыре месяца толком не возникло, приходится использовать существующие кадры, а свою «понималку» не размножишь и на другие головы не пришьешь. А по вечерам как накатит... документы... раздумья... бессонница... нервное истощение... стакан, чтобы спать... плевать на печень и здоровье – ВОЙНА! Для меня война уже началась. Сразу, без предупреждений. С момента убийства Георгия. А это не все понимают, для кого-то она просто не нужна, кто-то думает, что будет легкая прогулка... мол, папуасы желтомордые...

– Давай поконкретней! – скомандовал дед.

– Поконкретней? Ладно, – кивнул Алексей и четким звучным голосом начал излагать: – Срочно формирую и отправляю инженерные бригады на Сучан, благо вовремя подвернулся рапорт о тамошнем угольке! Телеграф раскален от депеш из Владика... Манзы и корейцы не хотят идти на зимние работы на север. Кто будет работать на прокладке дороги и строительстве рудников? Каторжане сахалинские? А борьба нанайских мальчиков с «сапогами» по поводу отправки в Находку нормальных строевых частей, а не с бору по сосенке? Но дают то, что дают. А работа по реорганизации боевой подготовки флотских экипажей? А решить параллельно вопрос о доковании судов, находящихся на ДВ, в испанской

Маниле? Дорасслаблялись, тля, думали, что война не скоро! А теперь догоняем! Экстраординарные траты на закупку машин, угля, припасов и прочего. Зимний ремонт машин, замена орудий на «Мономахе» и клиперах на новые 35-калиберные, те, что делались для ЭБРов. И опять – пробей-ка, докажи необходимость, организуй срочные зимние работы. А теперь пошли сообщения о волнениях среди экипажей на ДВ. А что вы хотите? Зимовать во Владике или в Находке – это не в Нагасаках с Иокогамами кайфовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.